

Враг будет разбит,
победа будет за нами!

Суть времени

Подписаться на газету можно в ближайшей местной ячейке Движения «Суть времени». Задать вопросы и узнать контакт ближайшей местной ячейки Движения можно по телефону 8-800-100-97-24 (звонок бесплатный).

31 октября 2012 г.

№ 2

Оглавление

Колонка главного редактора	6
Самостояние	7
От редакции	18
Наш проект	19

<i>ОГЛАВЛЕНИЕ</i>	2
Политическая война	37
Легитимность а-ля Каспаров	38
Экономическая война	58
Большая энергетическая война. Часть I. Почему война?	59
Информационно- психологическая война	78
Матрица любви	79
Классическая война	97
США — предвидение новых войн	98

<i>ОГЛАВЛЕНИЕ</i>	3
Культурная война	117
Феномен Femen	118
Наша война	135
Размышляя над детскими рисунками	136
Социальная война	175
Социцид — 2	176
Война с историей	194
Два боя	195

<i>ОГЛАВЛЕНИЕ</i>	4
Мироустроительная война	213
Пантюркизм вчера и сегодня	214
Концептуальная война	233
«Столкновение цивилизаций» против «Конца истории»	234
Война идей	254
Чёрная конвергенция	255
Диффузные сепаратистские войны	274
Регионализация как глобально узна- ваемый бренд?	275

<i>ОГЛАВЛЕНИЕ</i>	5
Метафизическая война	295
Слово и содержание	296

Колонка главного редактора

Самостояние

Общество само ещё не знает, что именно оно готово «ощутить». Но уже знает, что оно ощущать не готово

Боец МПВО, композитор Дмитрий Шостакович на посту 5 (крыша Консерватории). 1941. Фото Р. Мазалева.

Меня не покидает странное ощущение. Как будто бы в одночасье слишком многие представители политической профессии перестали эту профессию уважать. И в силу этого стали писать тексты

«через не хочу». Ярчайший пример — господин Белковский. Прочитайте его статью о Путине в «Московском комсомольце». Она называется «Путин покидает Кремль». Вся статья может быть сведена к одной фразе: «Меня тошнит, а я пишу. . . меня тошнит, а я пишу».

Господин Павловский даёт длиннущее интервью о Путине «Новой газете». Ну что сказать? У Пушкина получалось резко короче и резко лучше: *«Напрасно мне кудесники сулят дни долгие, дни власти безмятежной — ни власть, ни жизнь меня не веселят. . .»* Две фразы — и сколько смысла. А господин Павловский, желая сказать о Путине то же самое, исписал не одну полосу. Понимая, что он таки не Пушкин. И таки не Фрейд. . . Нда. . . При подобных метаморфозах теряется даже нюх. И начинаешь вычёр-

кивать из своего интервью некомплиментарные отзывы о себе, давая Е. Масюк возможность эти отзывы восстанавливать в самом издевательском виде.

Бредя по лабиринту загадочных текстов, в которых авторы заявляют о том, что им тексты писать не хочется (но почему-то надо), я набрёл, наконец, на текст И. Бунина и А. Макаркина «От консерватизма до инерции».

Этим авторам написание этого текста не внушает отвращения. Скорее, напротив. И сразу же возникает некое содержание. Да вот беда — идеология заедает. Идеолог имеет право заявить: «Это я ненавижу, а это люблю». В каком-то смысле, это даже его обязанность. А вот аналитик... Если речь идёт о вскрытии содержания процесса, предвзятость, согласитесь, недопустима. Особенно если она содержится не только в утверждениях, но и в мо-

лекулах повествования. То бишь в словах.

Предвзятость на уровне политической лингвистики (то есть неявных утверждений) гораздо хуже, чем предвзятость на уровне утверждений явных. Потому что сформулировав явное утверждение, ты взял на себя некий труд и ответственность. А балуясь неявными утверждениями, ты наплевал и на первое, и на второе.

В статье «От консерватизма до инерции» авторы заявляют: *«Российское общественное мнение в последние месяцы характеризуется консерватизмом. Люди боятся потрясений и выступают за ужесточение наказаний для «смутьянов», которых они считают опасными для общества и в конечном счёте для себя. Власть сделала ставку на поддержку со стороны именно этих россиян, боящихся перемен, уста-*

лых, недоверчивых и раздражённых».

Возникает ряд вопросов.

Первый. А почему бы людям не бояться потрясений? Если бы авторы сказали, что люди боятся перемен, то было бы понятнее. Но тогда авторы слукавили бы. Потому что люди, которых они описывают, как и все люди, хотят перемен. Но сообразных их представлению о благе. То бишь перемен к лучшему. Люди же, которые вообще хотят перемен, — это психи.

Но авторы, избегая лукавства, справедливо говорят о людях, боящихся именно потрясений. Ну а кто их не боится? Столыпин — боялся: нам-де, мол, они не нужны. Некрасов не боялся: «Буря бы грянула, что ли?» Но, призывая бурю, он хотел, чтобы перестало быть нестерпимо душно. То есть он хотел перемен к лучшему.

Да, есть пир во время чумы, герой которого воспеваает именно потрясения. Но выясняется, что лукавит. Кроме того, хотим ли мы, чтобы обновление нашего общества возглавили любители бездны тёмной, на краю которой они хотят постоять?

Так надо ли упрекать консервативных россиян за их негативное отношение к потрясениям? И чем эти граждане не угодили авторам? Да, граждане любят своё великое прошлое. И что? А как же Пушкин?

*«Два чувства дивно близки нам,
В них обретает сердце пищу:
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам».*

И дальше — главное:
*«На них основано от века,
По воле бога самого
Самостоянье человека, —*

Залог величия его».

Консервативные группы хотят единства традиции и динамики. Почему эти группы надо считать отсталыми? А ведь говорится именно об этом. Цитирую: «Растёт разрыв внутри самой России — между «передовыми группами», получающими информацию из интернета и передач мировых каналов, и остальной частью населения». То есть, если ваш покорный слуга получает информацию не из интернета, не смотрит «Би-Би-Си» и «Си-Эн-Эн», а Удальцов смотрит, то он более передовой, а ваш покорный слуга вместе с остальным населением более отсталый? Но это же не так. Это же не правда, а идеология.

С возмущением Бунин и Макаркин заявляют, что глупая власть не дала победить в Брянской области «члену КПРФ, но мало похожему на идеологического коммуниста,

Вадиму Потомскому». А почему, собственно, член КПРФ не должен быть похож на идеологического коммуниста? И на кого он должен быть похож? Кстати, о похожести... Вы этого Потомского видели? Вы с ним разговаривали? Нда...

Пишут: «Активизировано создание образа врага». Имеется в виду, что власть именно создаёт такой образ. А реального врага нет? То, что происходило в Ливии и происходит в Сирии, это реальность или активизация создания образа?

Вот ещё: «Эффект воспоминаний о 90-х гг. остаётся существенным для большинства населения, исключая наиболее молодые и динамичные его группы». Это аналитика или пропаганда? Я знаю очень молодые, динамичные группы с острейшим негативным отношением к 90-м. Кстати, представители этих групп,

молодые и динамичные, отнюдь не бедствуют в США и Европе. Но, согласно идеологии Бунина и Макаркина, этих групп не должно быть. И потому текст превращается в пропагандистское заклятие, согласно которому всё делится на усталых и раздражённых людей, боящихся потрясений, и активных и современных людей — видимо, алчущих этих самых потрясений (а нельзя перечислить, каких именно?).

Но есть и по-настоящему интересный фрагмент. Один из сценариев, рассматриваемых авторами, — ставка на мобилизацию, но не имитационную, политтехнологическую, а реальную, по сталинскому образцу. Авторы пишут: «Такого развития событий не желают элиты и, самое главное, не выдержит общество, склонное помечтать о сталинской шинели, но не готовое ощутить на себе сталинскую

длань».

Хороший кусок. И правильный. С одной поправкой. Что общество само ещё не знает, что именно оно готово «ощутить». Но уже знает, что оно ощущать не готово.

До встречи в СССР!

Сергей Кургинян

От редакции

Наш проект

Если ты по-настоящему готов, то ещё можно спасти и Россию, и человечество

Враг опорочил такие слова, как «великий эксперимент», «построение светлого Града». Враг внушил многим жителям нашей страны, что государство должно обеспечивать комфортную жизнь. Ставя перед собой задачу осуществления в России нового полноценного историческо-

го проекта, мы обращаемся к гражданам и говорим: «Враг запрещает вам использование высоких слов, апелляцию к высокому смыслу. Но сам-то враг только этим и занимается!»

Вступая в должность президента США, Джордж Вашингтон сказал о величайшей всемирно-исторической роли Соединённых

Штатов. Он не сказал, что его задача — обеспечить американцам некую комфортную жизнь. Он сказал, что судьба мира зависит (цитируем) «от эксперимента, доверенного рукам американского народа».

Скажи он это в Москве в каком-нибудь 1990-м или 2010 году — ох, как бы вызверились на него российские либералы! «Не смейте экспериментировать!» — возопила бы наша коллективная либеральная глотка. Ещё бы! Ведь именно о невероятной скверности экспериментаторства как такового орали наши диссиденты, организуя подкоп под советский проект.

Советский проект был кровав? А американский? Истреблённые индейцы... Порабощённые негры... Беспощадная гражданская война... Если от реальности переходить к идеям, то кто сказал: *«Древо свободы долж-*

но орошаться кровью патриотов и тиранов»? — Владимир Ленин или Джордж Вашингтон?

Артур Шлезингер называет отцов-основателей США *«смелыми и невозмутимыми реалистами, ввязавшимися вопреки истории и теологии в грандиозную игру»*. Он называет их затею *«необыкновенным предприятием»*, осуществляя которое, они *«вглядывались сквозь толщу времён в опыт Греции и особенно Рима»*. Шлезингер — в высшей степени авторитетен и респектабелен. Так что же — можно ввязываться в грандиозную игру, сочетая смелость и невозмутимый реализм? Тут опять же — или-или. Или всем можно, или нельзя никому, ибо это авантюрно, контрпродуктивно, непрагматично.

Идея «Града на холме»... Создание это-

го «Града» — вот цель, которая вдохновляла и пуританских воинов Оливера Кромвеля, и фермеров, осваивавших территорию нового американского государства. Правомочно ли в своих деяниях опираться на идею, на миссию? Либо это правомочно для всех, либо это неправомочно в принципе.

Но может быть, американцы опирались на это лишь при основании государства? То есть в эпоху, когда ещё силен был религиозный накал? А потом возобладала прагматика? Такое предположение противоречит реальности. Отцы-основатели США, осуществляя американский проект, стремились вовлечь в него и светских, и религиозных людей. И потому взвешивали долю религиозной риторики, так сказать, на аптекарских весах.

А вот как охарактеризовал свою родину в 1982 году Рональд Рейган: *«Я всегда счи-*

тал, что эта благословенная земля была необыкновенным образом отделена от других, что Божий промысел поместил этот великий континент между океанами для того, чтобы его обнаружили люди со всех концов земли, наделённые особой любовью к вере и свободе».

К вере и свободе... Конечно, при осуществлении американского проекта светские идеи Просвещения («свобода») оказались сплавлены воедино с высоким пуританским накалом («вера»). Но существование подобного сплава никоим образом не противоречит тому, что мы здесь хотим обсудить. А обсуждаем мы право народа на осуществление великого исторического проекта, на проведение великого эксперимента, на построение великого Града.

Нам скажут, что американцы были вдох-

новлены благой идеей. А наши народы, построившие СССР, прельстились идеей скверной, нежизнеспособной, порочной. Для того чтобы принять или отвергнуть подобное утверждение, нужно иметь чёткое определение той идеи коммунизма, которая то ли благо, то ли порочна, то ли нежизнеспособна, то ли спасительна. Что такое коммунизм?

КОММУНИЗМ — ЭТО РАСКРЕПОЩЕНИЕ И ПРОБУЖДЕНИЕ ВЫСШИХ ТВОРЧЕСКИХ СПОСОБНОСТЕЙ В КАЖДОМ ЧЕЛОВЕКЕ.

И всё. Никакого другого содержания в идее коммунизма нет. Красный проект, который осуществляли отцы-основатели СССР — это невероятно важный для человечества великий эксперимент по раскрепощению и

пробуждению высших творческих способностей в каждом человеке. Кто-нибудь рискнёт осуждать идею раскрепощения и пробуждения высших творческих способностей в каждом человеке? Кто-нибудь способен предложить в XXI веке что-то иное в виде спасения от надвигающейся глобальной беды? Кто-то дерзнёт утверждать всерьёз, что человечество способно спастись в XXI веке, не дав кардинально новых ответов на главный вопрос — о восхождении человека? Что можно уклоняться от ответа на этот вопрос и подменять этот ответ разного рода частностями экономического, политического, социального и иного характера?

Раскрепощение и пробуждение — это абсолютно разные вещи.

В СССР удалось добиться существенно-го раскрепощения высших творческих сил в

каждом человеке. Образование и культура, образ жизни и социальная практика позволили раскрепостить очень многое. Без этого раскрепощения не было бы ни советского образа жизни, ни советских культурных, научных и иных созидательных достижений, ни Победы в Великой Отечественной войне.

Нерешённой оказалась проблема пробуждения высших творческих способностей в каждом человеке. СССР рухнул, не справившись с этой проблемой. И нам придётся заняться решением этой проблемы, коль скоро мы хотим полноценного исторического реванша. А ведь заговорив об СССР 2.0, мы сделали заявку именно на такой реванш.

Добавить пробуждение к раскрепощению — вот что такое 2.0, вот что такое переход от классического коммунистического проекта к проекту, который мы называем Сверхмодерн,

противопоставляя его и рушащемуся проекту Модерн, и разрушительным антигуманистическим проектам, противостоящим Модерну. Всё это мы будем ещё обсуждать подробно. Сейчас же поговорим о проекте как таковом.

Что такое проект? Не проект вообще, а Проект с большой буквы — ведь именно такой Проект мы стремимся осуществить.

Сейчас проектами называют даже корпоративные вечеринки. Поэтому нам придётся — не в первый раз и по необходимости сжато — разъяснить, чем именно исторический проект отличается от всех иных идеологических сочинений.

Исторический проект — это слово, ставшее плотью. То есть это текст, претендующий на то, чтобы воплотиться, то есть стать плотью новой жизни, организовать эту самую новую реальную жизнь во всей её полноте и

сложности. Возможно ли это? Вспомнимся в прошлое и убедимся: христиане, мусульмане, буддисты, индуисты, даосы... — все они организовывали новую реальную жизнь через во-площение священных текстов. Надлежащим образом дооформляемых и транслируемых обществу.

Нам скажут: «Так на то они и священные!» Не будем ссылаться на Конфуция и его тексты, создавшие новую китайскую реальность, воскресившие рухнувшую державу. Эти тексты можно называть и священными, и светскими. Конечно же, все тексты древности, превращавшие Слово в плоть новой жизни, то есть имевшие статус исторического Проекта, носили либо не вполне светский, либо совсем несветский характер.

Но Слово, создавшее плоть Модерна, то есть буржуазной реальности, имело уже по

преимуществу светский характер. Буржуазная реальность оформилась на основе текстов Локка, Гоббса, Ньютона, Адама Смита, французских просветителей и примкнувших к ним немецких, американских философов. Это всё называется Проект «Просвещение» (иначе — проект «Модерн»). Обращаем внимание читателей на то, что использование в данном случае слова «проект» обусловлено именно желанием подчеркнуть, что данное коллективное светское Слово воплотилось, то есть организовало вокруг себя и сообразно собственной сути всю социально-экономическую, культурную, научно-техническую и иную «плоть» Нового времени.

Нам скажут: «Уже нет индивидуального авторства... и это не случайно, ибо книг стало слишком много. Так что данный проект,

знаете ли, последний в истории».

Прошло ещё чуть менее столетия... Книг стало намного больше... Авторы — тоже. И вдруг — Маркс с его «Капиталом». И что же? Вполне светское Слово Маркса буквально стало плотью так называемого Новейшего времени. Ведь именно Новейшей называли во всём мире эпоху после Великой Октябрьской социалистической революции.

Красный проект — Слово Маркса, ставшее плотью — это ничуть не менее типичный исторический Проект, нежели исторические проекты древности.

Исторический Проект «Града на холме», породивший США... Исторический Проект Иерусалимского Града, породивший Израиль... Не будем обсуждать содержание этих проектов, негодовать по их поводу или их восхвалять, сопоставлять их масштабы... Не об

этом речь! Совсем не об этом!

Речь «всего лишь» о том, что реальная история человечества изобилует историческими проектами. А также о том, что способность осуществлять такие проекты присуща отнюдь не только древнему человечеству. Вот и всё!

Признав это, заявим следующее:

«Суть времени» стремится к осуществлению в России нового исторического Проекта, Проекта Сверхмодерн. А значит, и к построению Нового Града. При этом наш Проект Сверхмодерн — преемственен по отношению к советскому и досоветскому бытию, опирается на нашу историческую специфику, имеет всемирно-историческое значение и в этом смысле слова является мессианским. Он объединяет верующих и неверующих. И отвечает именно на фундаментальные вызовы XXI ве-

ка.

Этот Проект ориентируется на спасение истории как Восхождения человека и человечества. Он обеспечивает новую фазу этого Восхождения. Вне его реализации человечество обречено на страшное Нисхождение.

Детали этого Проекта мы будем обсуждать в каждом номере нашей газеты. В ходе этого обсуждения будут разъяснены и дополнительно разработаны элементы проекта, уже изложенные в книге С. Кургиняна «Суть времени», породившей наше одноимённое движение.

Мы не спорим — заявка на новый исторический проект, преемственный по отношению к Красному проекту, очень амбициозна. Ну и что? Тут либо-либо. Либо речь идёт о пустых амбициях, либо у нас хватит духа на то, чтобы слово стало реальностью. Как стало ею

слово, породившее американское государство.

Но что нужно для того, чтобы слово (то есть Проект) стало плотью (то есть реальностью)? Для этого нужен соответствующий субъект. Не обычный политический, а с иной системной архитектурой.

Движение «Суть времени» претендует на то, чтобы стать подобным субъектом.

То, что у нас есть Проект — и абсолютно новый, и, одновременно, преемственный по отношению к осуществлявшимся Россией, — все понимают. Уже вышла книга «Суть времени» — с подзаголовком: «Философское обоснование мессианских претензий России в XXI столетии». А вот хватит ли субъектного драйва, субъектного ума, субъектной тонкости, той длинной метафизической воли, без которой субъект в принципе невозможен, — покажет время.

Ворвавшись в политику прошлой зимой, движение «Суть времени» непрерывно набирает обороты. Злопыхатели говорили, что всё закончится в мае 2012 года. Ну и как? Зайдите на сайт движения eot.su, и вы убедитесь, что этот прогноз не имеет никакого отношения к реальности. Прочитайте эту газету и... Впрочем, зачем мы будем предвосхищать вашу реакцию на прочитанное? Очевидно одно: что газета — это новый шаг на нашем пути. И что у нас к газете своё особое отношение, вытекающее из сути нашего, изложенного выше, самозадания.

Строя всю газету как последовательное изложение разного рода войн (политическая война, информационная война и так далее), мы говорим читателю: «Ты продолжаешь жить в иллюзорном мире, считая, что против твоей страны и твоего народа не воюют

самыми разными способами. Да, пока на тебя не сбросили ещё ядерные бомбы. Пока ещё на твою территорию не вошли танки. Но уже идут другие войны, гораздо более опасные. Победить в этих войнах, спасти Россию и человечество ты можешь, только реализуя новый исторический Проект, сочетая смелый и невозмутимый реализм с готовностью вести грандиозную неслыханную игру. Твои враги готовы к этому. А ты?».

Если ты по-настоящему готов, то ещё можно спасти и Россию, и человечество.

Политическая война

Легитимность а-ля Каспаров

Как называется власть, соответствующая ценностям 10% населения и не соответствующая ценностям 90%?

В. Боровиковский. Портрет Павла I в
костюме гроссмейстера мальтийского ордена
(фрагмент)

Пётр Алексеевич Пален

С. Щукин. Портрет Александра I
(фрагмент).

Эксперты обращают внимание на то, что в ходе «арабской весны» все свергаемые арабские лидеры были «нелегитимными». И что все системы власти, демонтируемые западными государствами и их радикально-исламистскими пособниками, именовались «нелегитимными режимами». Это касалось и Египта, и Туниса, и Ливии. То же самое сейчас осуществляется в Сирии.

А у нас?

«Нелегитимность» — главное слово в словаре белоленточников. Могу представить любые доказательства, включая количественные. Но мало установить, что «нелегитимность» — это главный код белоленточной политической войны. Необходимо, установив это, разобраться, в чём природа данного кода.

До осени 2011 года либералы надеялись решить вопрос о власти максимально мягким путём — убедив Путина уступить своё место Медведеву.

Одновременно с этим разрабатывался и другой вариант решения проблемы. О нём говорил наиболее развёрнуто Игорь Юргенс, руководитель ИНСОРа — интеллектуальной корпорации, официально возглавляемой Медведевым. Да и не только он. Не рассчитывая на то, что Путин уступит место Медведеву, Юргенс рассуждал на тему о «рощерке пера», позволяющем Медведеву освободиться от опеки Путина. Мол, достаточно подписать указ, отправляющий премьер-министра Путина в отставку, — и дело в шляпе. Все путинцы становятся медведевцами, Медведев может с предельной силой задействовать административный ресурс. И — по-

бедить на выборах.

При осуществлении данных утопических построений задействовалась очень сомнительная метафора. Мол, был исторический прецедент... Граф Пален сначала осуществил необходимые действия, а потом, совершив их, сказал Александру I: «Государь, идите властвовать!» Какие именно действия исполнил граф Пален перед тем, как сказать Александру I эту знаменитую фразу, общеизвестно. Станиславский называл такие действия «простыми физическими». Граф Пален не «росчерком пера» добывал власть для Александра I — он использовал для добычи предмет под названием табакерка.

Как мы видим, и риторика, и практика действий либералов по отношению к Путину вполне подходит под определение «политическая война». Но, может быть, речь всё

же идёт о войне, в которой противника сначала дискредитируют, связывая с определённой идеей (мол, погряз, негодяй, в идеологической пакости, что называется, по самое не могу), а потом свергают политически, выводя людей на площадь? Вроде бы именно так всё и полагается делать.

Но поразительно, в какой степени действия либералов против Путина опровергают такой канон.

Мне лично на память приходит только один пример аналогичного ускользания от сопряжения противника с какой-либо мерзкой идеей. В конце 1990-х один массмедийный олигарх очень хотел радикально разобрататься с массмедийной (да и идеологической тоже) империей другого олигарха. Поскольку империя другого олигарха была идеологически невероятно вредной, то «зачистка» этой им-

перии имела ценность с общенациональной, патриотической точки зрения. Но воевавший против этой империи олигарх категорически отказывался связывать враждебную ему империю с той идеологией, которая и превращала эту империю в нечто особо ненавидимое всеми патриотическими силами.

Олигарх хотел нанести мощный политический удар по врагу и страшно боялся идеологизировать этот удар. Потому что он понимал, что идеологизация подобного рода — это бумеранг. Сначала будет убит его враг, а потом — он сам.

Сходное происходило и в ходе выборов 2011–2012 годов. Люто ненавидя Путина и стремясь уничтожить его любой ценой, либералы категорически не хотели вести идеологическую войну с путинизмом. И предприняли всё возможное и невозможное для того,

чтобы война с путинизмом стала политической и только политической. «Деидеологизированная политическая война — это нонсенс», — скажете вы. Так-то оно так. Но давайте разберёмся — хотя бы для вящего понимания природы чисто политических войн — в том, как именно этот самый «нонсенс» устроен.

Под каким идеологическим флагом могли либералы воевать с Путиным?

Под либеральным? Но разгром Сванидзе и Млечина на «Суде времени», беспрецедентные по охвату социологические опросы, которые провела организация «Суть времени», — всё это показало, что идти на выборы под антисоветским и антисталинским идеологическим флагом может только самоубийца.

Взять открыто неосоветский флаг и обвинить Путина в антисоветизме? Увы, либералы уже слишком сильно им, антисоветизмом

замарались, и их крутому повороту в сторону советизма никто бы не поверил. Кроме того, наши либералы всегда ориентировались на некое московское мобилизуемое энергичное, мускулистое меньшинство. Они понимают, что если на улицу и выйдут антипутинские толпы, то это будут толпы, состоящие из так называемых успешных людей. А подобные люди не примут просоветских идеологем как основы антипутинской мобилизации. Да, именно в качестве основы! В качестве дополнительного элемента данный контингент готов принять не только удальцовских леволибералов, но и зюгановцев. Но основным элементом, вокруг которого всё остальное должно вращаться, должен быть накалённый антисоветский либерализм. Убедительный для Запада. Да и для самого антипутинского — прозападного и успешного — контингента.

Либералы ни за что не откажутся от опоры на это меньшинство. Потому что именно опираясь на него, они разрушили Советский Союз. Именно опираясь на него, они расстреляли Дом Советов. И так далее.

И, наконец, в той мере, в которой речь шла о замене Путина Медведевым, идеологизация могла быть только антисоветской. Ведь Медведев был изначально более антисоветски настроен, нежели Путин. А в ходе своего президентства он создал специальный Совет по десоветизации и десталинизации, возглавляемый Федотовым и Карагановым.

В связи с этим либералы яростно уклонились от идеологической войны. Но это никоим образом не помешало им вести войну собственно политическую. Более того, выборы 2011–2012 годов являются ярчайшим примером осуществления политической войны в

условиях фактического обнуления всего, что связано с идеологией. И именно по этой причине данные выборы представляют интерес для тех, кто изучает методы ведения политической войны. Ведь как говорится, ещё не вечер. И изучение способов отделения идеологии от политики представляет, согласитесь, интерес отнюдь не только с академической точки зрения.

Либералы могли добиться собственного выигрыша в политической войне, только сформировав предельно широкий антипутинский фронт (в диапазоне от нациков до Зюганова) и обеспечив себе господство над этим фронтом. Но как обеспечить себе такое господство? Тут мало захватить трибуну митинга, взять под контроль финансирование и информационное обеспечение, протянуть нити своего управления во все сегменты формиру-

емого фронта.

Тут нужно было ещё изобрести словечки «режим» и «нелегитимность». Словечки — деидеологизированные и потому как бы для всех приемлемые, словечки, никому не понятные кроме самих либералов и до отказа начинённые нужным либералам скрытым антинародным смыслом. Подчеркну ещё раз, что никакая идеология задачи не решала, а такие словечки — напротив, её решали.

А раз так — давайте разбираться с этой самой загадочной «легитимностью». Причём не по-профессорски, а с ориентацией на большую политику.

Я мог бы порассуждать о Платоне и Аристотеле с их концепциями легитимации (то бишь оправдания) власти. О Локке с его смещением источника легитимности с божественного права королей на согласие народа.

А также о Максе Вебере, который выделил идеальные типы легитимации власти. И о современных учёных, развивающих идеи вышеуказанных корифеев.

Но пусть читатель, если хочет, сам займётся чем-то подобным. Я же краткости и ясности ради напомним читателю анекдот: «Ереванское радио спрашивают, что такое снег. Ереванское радио отвечает: «Как тебе, дорогой, объяснить? Ты что такое персик, знаешь? Так вот, снег — это совсем наоборот».

Переходя от анекдота как разъясняющей метафоры, к так называемым апофатическим определениям (снег — антиперсик — это и есть апофатическое определение), я утверждаю следующее.

Хотя прямой перевод слова *legitimus* с латинского на русский означает «законный» («согласный с законом») — ориентация на

этот прямой перевод глубоко ошибочна. «Законный» и «согласный с законом» — это персик из нашего анекдота. А «легитимный» — это снег, который вовсе не персик, а «совсем наоборот». Да-да, именно совсем наоборот. Ибо для того, чтобы сказать, является ли власть законной, есть другой термин — легальность. Легитимность — это не легальность. Легальность — это соответствие власти неким формальным законам и декретам (например, Конституции). А легитимность — соответствие власти неким ценностным нормам, разделяемым большинством общества.

Именно на основе такого соответствия власти определённым укоренённым в народе ценностям — можно говорить о длительном согласии народа принимать правление данного класса, данный тип социальной иерархии, данный тип общественного устройства,

общественные институты и так далее. Тот, кто хочет, может заменить слово «народ» словами «большинство населения». Но пусть осуществляющий такую замену задумается над тем, что речь идёт именно о большинстве населения. И что никогда никакая легитимность, не апеллирующая к авторитету бога и короля, не базировалась ни на чём, кроме согласия народа (оно же согласие большинства населения). Причём речь идёт именно о согласии, опирающемся на ценности.

Власть может быть конституционной (то есть легальной) и нелегитимной (то есть не опирающейся на ценности народа, ценности большинства населения). В этом случае длительное согласие на данный тип власти, данный тип общественного устройства невозможно.

Как только мы устанавливаем всё это, об-

наруживается вся мера специфичности политической войны, которую либералы объявили Путину.

Прежде всего, выясняется, что «легитимность», к которой либералы всё время апеллируют, в нынешней России просто невозможна. Ибо нет консенсусных ценностей, в которых только и может быть укоренена легитимность. Отсутствие этих консенсусных ценностей порождено варварскими действиями либералов на нашей территории. Это именно они и стоящие за их спиной более серьёзные силы создали тотальный ценностный кризис, дискредитировали само представление о ценностях, порвали в клочки социальную ткань и... после этого завопили о «легитимности».

Далее обнаруживается, что если у большинства населения (то есть у «большого на-

рода») и есть ценности, то они никакого отношения к либеральным не имеют. Что ценности эти — «большого народа» — либералами яростно презираются. Что критиковать Путина и его власть за несоответствие этим ценностям они не могут. Более того, Путин ненавистен им именно за то, что он каким-то способом попытался к этим, очень условным, ценностям прислониться.

А раз так, то либералы говорят о несоответствии Путина ценностям «малого либерального народа» и — заокеанских хозяев этого «малого народа».

Не будем обсуждать, почему Путин не соответствует ценностям либералов, в какой мере он им не соответствует и так далее. Установим главное — что если десять процентов населения обнаружат несоответствие того или иного политического лидера их цен-

ностям (или интересам, выдаваемым за ценности, или чему-либо ещё), то они наплюют на девяносто процентов и начнут сбрасывать лидера, восклицая о «нелегитимности».

Вопрос на засыпку: как называется власть, соответствующая ценностям десяти процентов населения и не соответствующая ценностям девяноста процентов? И чем можно обосновать такую формулу легитимности?

Сергей Кургинян

Экономическая война

Большая энергетическая война. Часть I. Почему война?

Что же имеет место в реальности — за вычетом политических игр на тему «либерализация и модернизация — или сырьевое величие»?

БЛИЖНИЙ
ВОСТОК

ЗДЕСЬ ЛЬЕТСЯ ВНОВЬ
И НЕФТЬ И КРОВЬ

Здесь льётся вновь и нефть, и кровь.

Д. Демин 1978

До 2008 года российская власть уверенно говорила о «вставшей с колен» путинской России как о «великой энергетической державе». Затем стали лихорадочно обсуждаться перспективы той или иной

модернизации, необходимость срочно слезать с нефтяной иглы и так далее. А затем все просто запутались. И модернизации вроде нет. И статус великой энергетической державы а) сомнителен, б) до крайности уязвим.

Нам важно определить, где проходит грань между содержанием дискуссии на тему «модернизация или сырьевое величие» — и использованием этой дискуссии для решения определённых политических задач.

Либеральному окружению Медведева нужно было противопоставить себя консервативному путинскому окружению, да и самому Путину. И потому начались разговоры о том, что сырьевое величие — это проклятие, а модернизация невозможна без либерализации. Когда оказалось, что Медведев не имеет шансов стать президентом

на второй срок, разговоры о модернизации стали затихать. А о сырьевом величии после четырёх лет яростной имитации борьбы с «сырьевым проклятием» говорить стало как-то не с руки. Поэтому все просто замолчали.

Однако что же имеет место в реальности, за вычетом политических игр на тему «либерализация и модернизация — или сырьевое величие»? Пока оставим в стороне вопрос о связи либерализации и модернизации. Любой образованный человек понимает, что нигде в Новейшее время модернизацию с опорой на либерализацию не проводили. А вот демодернизацию проводили с опорой на либерализацию много где. В том числе, в постсоветской России.

Вернёмся к проблеме сырьевого величия (оно же сырьевое проклятие). Может, и

вправду надо экспортировать за рубеж сырьё, коль скоро оно в избытке, и импортировать остальное? В конце концов, мировое разделение труда объективно существует. Как объективно существует и нынешняя прискорбная российская ситуация, попав в которую, мы можем говорить о чём угодно, а продавать пока вынуждены в основном сырьё. И жить вынуждены во многом за счёт этих продаж, беспокойно вглядываясь в сводки мировых энергетических бирж.

Начну с того, что разговоры о скором избавлении мира от зависимости от традиционных энергоресурсов (нефти, газа, угля) — лишь симптом стремления определённых кругов выдавать желаемое за действительное. В обозримой перспективе никто не откажется ни от этих энергоносителей, ни от наших возможностей поставлять их на мировой

рынок. Беспокоиться надо не об этом. Беспокоиться надо о том, будут ли эти ресурсы нашими. . .

В сущности, именно этот вопрос является ключевым, коль скоро мы обсуждаем энергетические войны. Да и экономические войны вообще. Ведь экономика — это наука о том, как общество управляет ограниченными ресурсами. Как оно эти ресурсы получает, распределяет, использует. А также изымает, перераспределяет, экспроприирует. Так ведь?

Пока экономика всё это распределяет и использует, нет смысла говорить об экономических войнах. А вот когда к распределению и использованию подключается экономическое и внеэкономическое перераспределение, изымание, уничтожение и так далее, — тут мы оказываемся на территории экономических войн.

1870–1871 годы. Франко-прусская война. Германия отбирает у Франции угольные Эльзас и Лотарингию. То есть перераспределяет в свою пользу французский энергетический ресурс, оставляет проигравшую войну Францию на голодном энергетическом пайке.

1918 год. Державы Антанты начинают делить между собой нефтеносные провинции побеждённой Османской империи.

1940 год. Фашистская Германия «союзно подчиняет» нефтеносную Румынию и начинает гнать оттуда нефть в Рейх.

1942 год. Фашистская Германия направляет ключевые удары своих дивизий на захват угольных (Донбасс) и нефтяных (Кавказ) районов СССР.

Перейдём от дел давно минувших дней — к тому, что не потеряло актуальность до сих пор.

В 1989 году СССР вывел войска из Афганистана. Не будем сейчас обсуждать, зачем он их туда ввёл. Мы убеждены, что ввод советских войск в Афганистан в целом был более чем оправдан, но есть и другая точка зрения. Как говорится, это отдельная тема... Однако сразу же после вывода наших войск из Афганистана начала прорабатываться идея крупного газопровода Туркменистан—Афганистан—Пакистан—Индия (ТАПИ).

Сейчас 2012 год. ТАПИ нет как нет. В чём дело? Да в том, что в зоне, намеченной под трассу этого газопровода, пошли племенные войны, поставившие крест на американской пропагандистской доктрине, согласно которой как только Советы выведут войска из Афганистана, в нём воцарится тишь, гладь и божья благодать! А потом... началась афганская война НАТО.

Афганистан, как мы видим, истекает кровью, несмотря на отсутствие нашего присутствия. А ТАПИ всё ещё на уровне разговоров. Почему? Не потому ли, что стратеги большой энергетической войны не хотят доступа Туркмении на мировой газовый рынок, не хотят энергетической подпитки Пакистана и Индии, не хотят ускоренного развития индийской и пакистанской (прежде всего, индийской, конечно) промышленности и сельского хозяйства?

Вот вам и большая энергетическая война в новой модификации.

Таких модификаций — хоть отбавляй.

Можно активизировать войну племён. А можно обострить потребность в продовольствии. Или в деньгах для его покупки. И/или в безопасности. Если сумеет сделать так, чтобы потребность в продовольствии и безопас-

ности стала очень острой, то можно не грубо отбирать нефть, а обеспечить гарантии безопасности и купить месторождения (или хотя бы доли в них), причём сравнительно дёшево — как, например, было в Нигерии, Чаде или Судане, десятилетиями погружённых в межплеменные и этнорелигиозные войны...

Когда бывший глава Федерального резерва США Алан Гринспен в своих мемуарах пишет, что многолетняя война США в Ираке была войной за нефть... или когда сообщения крупнейших мировых СМИ о росте добычи сланцевого газа в США идут под анонсами «начало мировой газовой войны» — это ведь значит что-то очень важное! Что же именно?

Пять тысяч лет назад основными «энергоносителями» были люди и домашние животные, мускульная сила которых использовалась.

Три тысячи лет назад ими стала растительная органика (древесина, сушёный помёт животных, трава).

В XVII–XIX веках на первое место в мировом энергобалансе вышел уголь. Тогда-то начались первые крупномасштабные энергетические войны — «угольные».

В первой половине XX века, при сохранении очень большого значения угля, всё более существенную роль в мировом энергобалансе начинают играть нефть и гидроэнергия.

А во второй половине XX века, при росте роли нефти и снижении роли древесины и угля в энергобалансе, одновременно происходит увеличение доли в нём природного газа и ядерной энергии. Таковы основные вехи в энергетическом развитии человечества. Теперь обсудим ряд основных динамических показателей.

По данным Международного энергетического агентства (МЭА), в 1935 году доля древесины/травы и т.п. в мировом энергобалансе составляла 20%, в 1970 — 10%, в 2010 — 0%.

Нечто сходное происходит с углём.

В 1935 — 56%, в 1970 — 32%, в 2010 — 23%.

А вот динамика того же показателя по нефти.

1935 — 15%, 1970 — 34%, 2010 — 36%.

Как мы видим, пока падения доли нефти нет, скорее, мы выходим на некое пологое плато.

Газ: 1935 — 3%, 1970 — 18%, 2010 — 25%.

Гидроэнергия: 1935 — 5%... и дальше почти без изменений.

Атомная энергия: К 1970-му — 1%, к 2010-му — 12%.

Нетрадиционные источники: К 2010-му — чуть более 1%.

Как можно видеть, без угля, нефти и газа в обозримой перспективе и впрямь не обойтись.

А теперь от анализа динамики по видам энергоносителей перейдём к анализу динамики совокупного энергопотребления.

По данным того же МЭА, в 1960 году мир потреблял около 6 млрд тонн условного топлива (ТУТ, эквивалент примерно 700 литров нефти), в 1980 — около 10 млрд этих же ТУТ, в 2000 — около 16 млрд, в 2011 — уже больше 18 млрд ТУТ.

Цифры более чем тревожные: рост стремительный.

Но и это ещё не всё. Если в 1960 году развивающиеся страны потребляли не более 12% мировой энергии, то в 2000 году уже почти 30%, а в 2020 году их доля в мировом энергопотреблении, по большинству существующей

щих прогнозов, превысит 50%. То есть, сообщество «развитых» стран будет стабилизировать или даже сокращать своё энергопотребление, а весь его прирост окажется связан с развивающимися странами.

Откуда такая динамика и такие прогнозы?

Дело в том, что огромную роль в снижении душевого (и стабилизации валового) энергопотребления в развитых странах играют энергосберегающие технологии, а также технологии повышения коэффициента использования энергии первичных энергоносителей (глубина переработки, известный всем со школы КПД — коэффициент полезного действия — машин и механизмов и т.д.).

Так, по данным МЭА, если в начале XX века коэффициент использования энергии первичных энергоносителей составлял около 9%, то в развитых странах в 80-х годах XX

века он вырос до 23%, а к началу XXI века — до 30%. Причём оптимистические прогнозы для «развитых» стран на 2030 год обещают дальнейшее повышение этого коэффициента до 36–40%.

Но подавляющему большинству развивающихся стран «интенсивные» и энергосберегающие технологии пока что практически «не по карману».

Например, тепловая электростанция, работающая на местном дешёвом угле, в «минимальной комплектации» стоит недорого, хотя коэффициент использования энергии у неё невысокий. А если строить её по самым современным технологиям, с гарантированным высоким коэффициентом использования энергии, да ещё удовлетворяющей современным экологическим требованиям (дожигание и очистка/конверсия

дымовых газов, пылеулавливание, удаление/утилизация/захоронение зольных отходов, замкнутый водооборот и т.д.), то стоимость такой электростанции увеличивается в несколько раз.

Кроме того, в большинстве развивающихся стран идёт быстрый рост населения. Его нужно кормить. А так называемая «зелёная революция» в сельскохозяйственном производстве (улучшенный посевной фонд, племенное стадо, специальные технологии обработки земли, современные корма, удобрения, пестициды и гербициды) опять-таки стоит очень дорого. В том числе, дорого энергетически.

Если учесть все затраты энергии на выпуск и ремонт сельхозтехники, производство удобрений и сельхозхимикатов, содержание скота, обработку полей и плантаций, полив, сбор, хранение, транспортировку и перера-

ботку сельхозпродукции, то оказывается, что в некоторых странах Евросоюза и ряде штатов США суммарные затраты энергии на производство одной пищевой калории достигают 15–20 калорий!

Так что совершенно не случайно и в США, и в ЕС государство поддерживает своё сельхозпроизводство огромными дотациями. Если бы не эти дотации, производимые зерно, мясо, овощи и т.д. были бы на любых рынках неконкурентоспособны по цене. И эти дотации — уже не рыночная конкуренция. Это — холодная экономическая война с энергетической подоплёкой!

Таким образом, ясно, что острота энергетической ситуации в мире нарастает. И очевидно, что в мире идут разные — «горячие» и «холодные», грубые и изощрённые, но всё более активные — энергетические войны.

В ближайшие десятилетия это будут войны «развитых» стран с развивающимися, желающими слишком мощно расходовать столь ценные энергоресурсы. Это будут войны держателей энергоресурсов с теми, у кого этих ресурсов нет. Это будут войны сил и групп, по-разному расходующих энергоресурсы.

И это будут войны держателей одних — энергетических — жизненно важных ресурсов с держателями других жизненно важных ресурсов. Например, ресурсов продовольственных и медицинских (если у вас голод и эпидемии — вы всё отдадите, чтобы спасти людей), а также ресурсов силовых. Ведь если вы отстали в военно-техническом развитии и у вас можно жизненно важные энергоресурсы отобрать, то почему не отобрать, раз ситуация становится такой острой?

Энергетические войны идут и будут ид-

ти во всём мире. Однако чуть не весь мир почему-то обвиняет в ведении агрессивной энерговойны (в Украине, Белоруссии, Средней Азии, Европе и других регионах) лишь «путинскую Россию».

Вроде бы это нормально, и кто-то даже этим горд. Но так ли это на самом деле? Может, мы лишь производим некие несистемные, непоследовательные «энергодвижения», а против нас ведутся тонкие, холодные, расчётливые, системные «энерговоенные действия»?

Вопрос серьёзный. И чтобы в нём разобраться, необходима другая детализация во всём, что касается энергетических войн. Без такой детализации — откуда адекватная стратегия ответных действий?

Этим дальше и займёмся.

Юрий Бялый

Информационно-
психологическая
война

Матрица любви

Тот, кто хочет власти, любовь искоренять не будет

Мы уже обсудили первое направление, в котором действует ведущий информационно-психологическую войну противник. На этом направлении — мы назвали его «На самом деле» — атакуется ваша любовь.

Вы любите человека, Родину или идею. Как это атакует враг? Он наделяет любимое

вами некими сугубо отрицательными качествами. То есть говорит вам: ты это любишь по недоразумению, по незнанию.

Ты считаешь, что любимый тобою человек нравственен, а на самом деле он распутник. Ты считаешь, что он честен, а на самом деле он тайком от тебя ворует. И не просто ворует — в преступную банду входит.

Ты считаешь таких-то и таких-то героями? Жизнь хочешь «делать с товарища Дзержинского»? А мы тебе сейчас докажем, что на самом деле Дзержинский наделён столь жуткими качествами, что заслуживает вовсе не твоей любви, а прямо обратного.

Ты считаешь коммунистическую идею средоточием блага, а мы докажем тебе, что на самом деле она порочна и антигуманна.

Ты любишь Россию в силу таких-то и таких-то причин, благодаря наличию у неё

таких-то и таких-то качеств? А мы тебе докажем, что Россия обладает обратными качествами. И что у тебя нет никаких причин её любить — напротив, есть все причины её ненавидеть.

Таково первое направление информационно-психологической борьбы с врагом. То бишь с вами. Надо убить вашу любовь — и дальше можно делать с вами всё, что угодно.

Наделение всего того, что было любимо советским человеком, негативными качествами, несовместимыми с любовью... Открепление всего любимого советским человеком от позитивных качеств, эту любовь порождающих (в предыдущей статье уже говорилось о том, что роль качеств, порождающих любовь, не следует абсолютизировать, но нельзя и преуменьшать)... Всё это готовилось врагами, оттачивалось до блеска, вир-

туозно использовалось ими при полном попустительстве, а то и содействии здешних инстанций, призванных этому противодействовать. И — привело к распаду СССР, разгрому коммунизма, системной деградации и другим страшным последствиям.

Но разве не мог враг, нанося такие удары, вбить в разум и душу не только разочарование по поводу ранее любимого, но и совокупность новых идеальных сущностей, заслуживающих любви? Почему бы врагу, например, не убедить постсоветского человека в том, что позитивными качествами наделены другие исторические герои, другие современники, другие страны, наконец? Ну хорошо, Дзержинский плохой, «совок» плохой, «немытая Россия» плохая. Почему? — потому что «на самом деле» не наделены качествами, заслуживающими любви и, напротив, наделе-

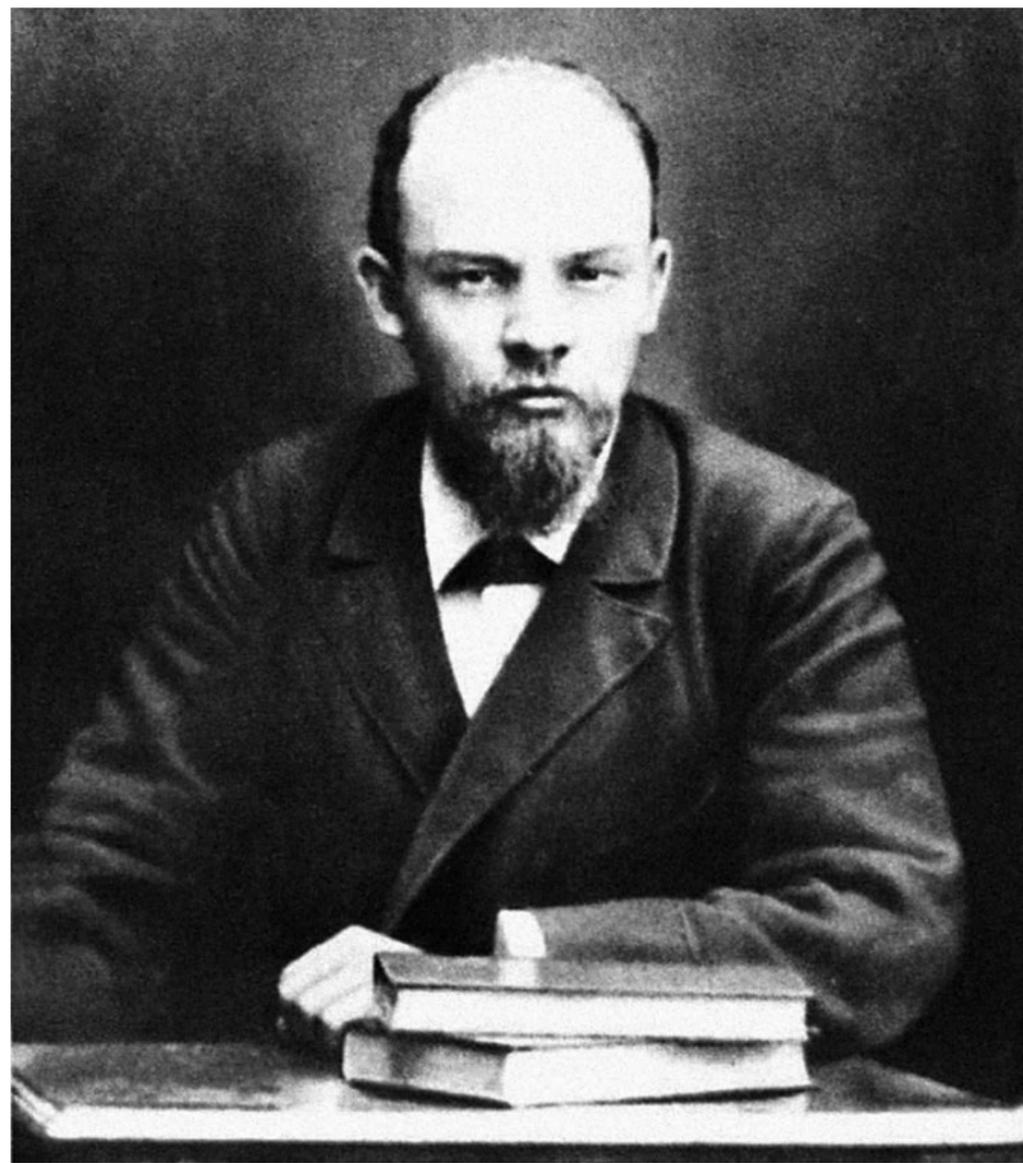
ны качествами, заслуживающими ненависти.

Но почему бы при этом не сказать, что качествами, заслуживающими любви, наделены, например, Ельцин или Попов? Или Сахаров? Или Николай II? Что идеальное государство — это Франция или США? Что, будучи обманутым «жуткими коммунистами», постсоветский человек теперь должен узреть, наконец, то подлинное, что достойно его любви?

Дерзну утверждать, что враг, который ведёт тотальную информационно-психологическую войну, никогда ничего подобного не сделает. Он не будет апеллировать к категории «любовь». Это сделает идеологический противник, который хочет свергнуть действующую власть и стать властью сам. Буквально это делали большевики. Они объяснили народу, почему качествами,

заслуживающими любви, наделены их герои, их вожди, их идеи, их советская Родина. И народ это полюбил. А белоэмигранты, например, это не полюбили. И очень долго отказывались называть Советскую Россию Россией, а называли её Совдепией.

Почему так называли? Чтобы уже на уровне слова отторгалась сама возможность чувства любви. Это не Родина, это — «Совдепия». Любви быть не может! Какая любовь к стране, изгнавшей их, вставшей на неприемлемый для них путь, к стране, которую надо сокрушить... Ведь цель была — вернуть и сокрушить. Но невозможно крушить любимое, да ещё не будучи уверенным, что на его месте что-нибудь будет построено... Значит, надо убить любовь и насадить ненависть. Этим и занимались белогвардейцы.

Один претендент на власть — одна любовь, одна ненависть. Другой претендент на власть — другая любовь, другая ненависть. Но если речь идёт именно о претенденте на власть, то он не может апеллировать только к ненависти, он обязан апеллировать и к любви. Каждый, кто хочет захватить власть, понимает: поселишь в головах и сердцах только ненависть — стабильности не будет вообще. И тогда даже если придёшь к власти — не удержишься: для того, чтобы удержаться, нужна стабильность. А поселишь только любовь — не свергнешь действующую власть.

Так ведут себя претенденты на власть. Они, ведя любую, самую беспощадную борьбу против действующей власти, всегда заботятся о том, чтобы, скинув действующую власть, самим удержаться. И понимают, что удержаться смогут, только опираясь на обще-

ственное сознание, обладающее нужным им *позитивным* потенциалом.

Поэтому Ленин мучительно размышлял над тем, от какого наследства большевики отказываются, а от какого нет. Он понимал, что, отказавшись от всего наследства, большевики власть не удержат. Поэтому жёстко одёрнул революционерок, проповедовавших свободную любовь. Для удержания власти и реализации Красного проекта нужен был нравственный человек, а не представитель революционной богемы. Ленин понимал: нет нравственности — нет власти.

И не только Ленин. Так же действовали все революционные обновители. Что-то они обновляли, а что-то сохраняли. Но им всегда нужно было сохранить главное: любовь, направленную на всё то, что является важным для новой власти.

Если новая власть, к примеру, уничтожит любовь вообще, то народ, пребывая в состоянии тотального безлюбия и безразличия, не сможет поддержать ничего, предложенного этой новой властью — ну и хана ей! И потому тот, кто хочет власти, любовь искоренять не будет. Равно как и ненависть. Как минимум, он постарается сохранить любовь — подменив её объект на свой, «правильный». А как максимум, начнёт менять критерии — попробует изменить основания для любви, те качества, «из-за которых» человек готов любить кого-либо или что-либо.

То есть в рамках минимума не надо менять ответ в графе «почему люблю?». Всё по-прежнему: вы любите потому, что любимое наделено определёнными качествами, теми же, что и раньше. Позитивность этих качеств не оспаривается. Просто оказывается,

что качествами этими наделены представители новой власти, новой идеи, новые герои и мученики и т.д. (А со временем может даже оказаться, что некоторые представители старой власти тоже наделены этими качествами — в большей или меньшей степени.)

Сами же основания любви, качества, «за которые» мы любим, меняются очень редко. Простейшие способы подобной замены уже отмечались в предыдущей статье. Ведь и впрямь романтичная девушка может любить человека, наделяя его одними качествами (смелостью, бескорытием, жертвенностью), а зрелая женщина иногда начинает ценить уже совсем другие качества (надёжность, хозяйственность, благоразумие, осторожность и пр.). Так же, как и юноша может увлекаться красотой девушки, яркостью и лёгкостью её характера, а повзрослев и изменившись внут-

ренне, вполне может полюбить в женщинах преданность, верность и умение обеспечивать «тыл».

Поскольку в принципе возможно, что один и тот же человек может (подчёркиваю — может, а не должен) в 18 лет любить человека, наделённого одними качествами, а в 35 полюбить другого, — наделённого другими качествами, то почему бы не попробовать сменить «матрицу любви» (а раз так, и «матрицу ненависти») не за 17 лет, а, скажем, за полгода? — конечно, если обрушить на атакуемого соответствующую систему воздействий.

Но при такой задаче *враг атакует не объекты любви, а саму матрицу любви.* Такая задача требует гораздо большего мастерства, иных затрат, иных технологий. И это *второе направление информационно-психологической войны.*

Когда мы говорим о том, что идеологический противник, стремящийся свергнуть действующую власть (в приведённом примере — Ленин, борющийся против царизма), не может вообще отказаться от апелляции к любви, речь идёт об информационно-психологическом воздействии *первого типа*. Да, здесь тоже идёт работа с матрицей любви, но конечная цель — ввести в неё новые, «правильные» объекты. Человек говорит: «Я люблю генерала Муравьёва за то, что он смел и жертвенен». А после информационно-психологического воздействия первого типа этот же человек говорит: «Я люблю товарища Дзержинского за то, что он смел и жертвенен. А генерал Муравьёв-то, оказывается, был царским сатрапом, трусом и конъюнктурщиком». То есть матрица любви (в данном примере — смелость и жертвенность) не меня-

ется. Просто сначала за смелость и жертвенность любили героя самодержавия, а потом за те же качества любят героя большевиков. Тут важно, что за те же самые качества.

Информационно-психологическое воздействие *второго* типа предполагает нечто совсем иное. До такого воздействия человек говорит: «Я люблю товарища Цурюпу за его честность и аскетизм». А после «обработки» человек говорит: «Честность — это жалкий «совковый» предрассудок, аскетизм — пакость и психопатология. И потому Цурюпу, которого я раньше за это любил, я теперь за это же презираю».

Фридрих Ницше называл подобное переоценкой ценностей. Но Ницше был философом. Мы же — аналитики. Наша задача — холодный анализ различных способов ведения военных действий. Информационно-

психологическая война, которую наш враг называл «перестройкой», уже привела к распаду страны и прочим жутким последствиям. Эта война не завершена. Враг будет её вести и дальше с сосредоточенной беспощадностью. Для того чтобы дать ему отпор, нам нужно, оставаясь людьми, стать ещё и технологами. И потому давайте введём и будем в дальнейшем использовать с технологической точки зрения гораздо более точное понятие «*матрица любви*», вкладывая в него примерно то же содержание, которое Ницше вкладывал в понятие «переоценка ценностей». И на этой новой понятийной основе проведём разделение между типами (способами, видами) информационно-психологического воздействия.

Итак, информационно-психологическое воздействие первого типа не предполагает

ет атак на матрицу любви. Эту матрицу сохраняют и перенастраивают в нужную, «правильную» сторону — перезаполняют.

Второй же тип информационно-психологического воздействия предполагает именно изменение матрицы любви. Записанные в её клеточках позитивные свойства (смелость, жертвенность и пр.) стираются врагом и вместо них записываются совсем иные.

В качестве примера — одно жизненное наблюдение. Немолодая женщина приехала с Украины в Россию. Когда-то она была нормальной советской женщиной, а потом пережила все постсоветские шоки, оказалась вовлечена во все перипетии тогдашней эпохи. И, вдоволь настрадавшись, пришла в одну из активно работавших на Украине протестантских церквей («одну из протестантских» —

потому что в таких случаях очень трудно отделить церковь от секты, а нам сейчас не это интересно). В частности, данная церковь занималась трудоустройством своих прихожанок в качестве домработниц. В этой церкви с советско-постсоветской женщиной серьёзно поработали, многое изменив в матрице любви. Она, например, твёрдо усвоила, что «хозяев надо любить». Объясняя, почему их надо любить, эта женщина начинала говорить особо быстро и чётко, а глаза её увлажнялись и стекленели. То, что она говорила, можно было бы назвать «монологом рабыни». И он был очень истовым. В клеточках матрицы любви оказалось стёрто то, что она раньше считала достойным этой самой любви, и вписаны новые качества: «богатый», «хозяин», «избранный», «наделённый правом помыкать» и так далее. В клеточках этой матрицы были сде-

ланы другие записи.

Информационно-психологическая война многолика, её направления и виды надо внимательно изучать. Мы обязаны и будем двигаться дальше.

Анна Кудинова

Классическая война

США — предвидение новых войн

Суть глобальной военно-силовой доктрины США — в реализации ничем не сдерживаемого интервенционизма

Уже частично анализировавшаяся в предыдущей статье «Концепция сов-

местных действий: Объединённые силы и средства 2020 не является в полном смысле слова новой военной доктриной США. Она, скорее — обоснованный прогноз на следующее десятилетие, подготовленный опытнейшими аналитиками Пентагона. Однако при всей её новизне в плане государственной стратегии США она чётко следует в фарватере гораздо более фундаментальной концепции, введённой в оборот при президенте Дж. Буше-младшем.

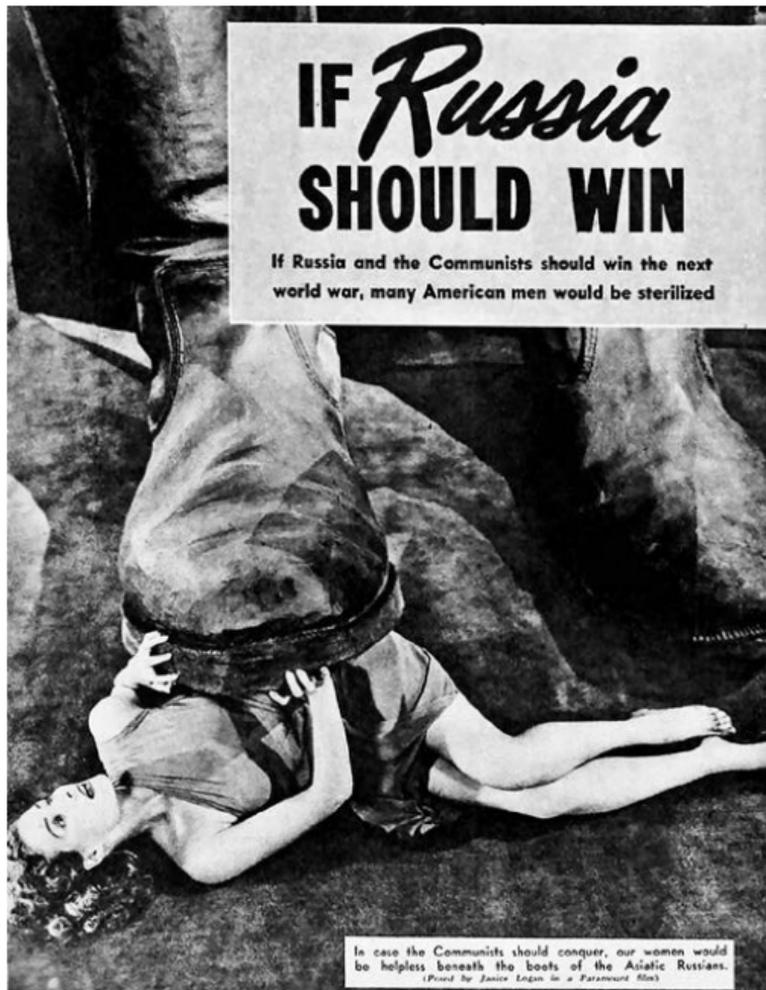
У Соединённых Штатов, после того как они перестали придерживаться политики изоляционизма и энергично вошли в мировую политику, было всего две фундаментальные концепции военной политики: стратегия сдерживания и бушевская стратегия превентивной войны — притом, что военных доктрин

и планов было множество. А вот глобальная цель США как была, так и осталась одна — властвовать над миром.

1943. Союзники.

«Вместе мы сила. Вместе победим!»

1953. Как всё изменилось! Доктрина сдерживания: «Наши женщины будут беззащитны под сапогом русских азиатов»

Но легко сказать «властвовать над миром»... Как этого добиться, если рядом находятся державы, обладающие такими же претензиями и нешуточными возможностями? Ну, рухнула Германская империя в 1918 году... Рухнула Российская империя, Османская империя... Но ведь Британская империя осталась... И приходится с этим мириться, терпеливо ожидая желанного часа, когда рядом не окажется сильных государств, которые надо будет учитывать в своих планах. Того часа, когда на планете останешься сильным только ты — и слабые, которых можно будет поглощать одного за другим.

Британская империя продержалась недолго и рухнула вслед за фашистским рейхом. Но остался Советский Союз. И вновь пришлось обретаться в мире, где есть столь же сильные соискатели на ту роль, о которой ты

так мечтаешь. Каков мир — такова и твоя стратегия. Пока в мире есть равный по силам соперник, ты можешь заниматься только его сдерживанием. Этим США и занимались вплоть до 1989 года.

«Стратегия сдерживания» (сдерживания СССР и коммунизма) была впервые заявлена в феврале 1946 года в знаменитой «Длинной телеграмме» американского посланника в СССР Джорджа Кеннана и вскоре была поддержана новым президентом США Гарри Трумэном. За короткий период антисоветская и антикоммунистическая пропаганда в США добилась перелома отношения к бывшему союзнику по антигитлеровской коалиции. Если в марте 1945 г. Советскому Союзу доверяло 55% опрошенных американцев, то в марте 1946 г. — только 33%. А в марте 1947 г. концепция сдерживания была офи-

циально принята в качестве основы внешней политики США. Так был уничтожен рузвельтовский курс, а США от изоляционизма перешли к интервенционизму.

Все послевоенные годы США достаточно успешно реализовывали свои преимущества первой экономической и военной державы мира, однако подлинной гегемонии Америки в мире по-прежнему мешал главный соперник — Советский Союз. Поэтому концепция сдерживания была основой всех военных планов и военно-политических союзов США в годы холодной войны. Впервые США обнаружили себя в статусе единственной сильной державы (а точнее, сверхдержавы), у ног которой распростёрлись одни слабаки, после распада СССР.

Соединились же они — интеллектуально, психологически и т.д. — с этой новой ролью

лишь в конце 90-х годов XX в. Именно тогда появилась адекватная этой новой роли глобальная доктрина США в военно-силовой области. По-настоящему предъявлена миру эта доктрина была в годы правления президента Дж. Буша-младшего.

Суть доктрины — в реализации ничем не сдерживаемого интервенционизма. Эта доктрина была изложена в целом ряде документов, и в итоге стала самым значимым пересмотром американской внешней политики за годы после Второй мировой войны. Вот как она сформулирована в «Стратегии национальной безопасности Соединённых Штатов», опубликованной 20 сентября 2002 года, и дополненной в 2006 году:

«Соединённые Штаты должны и будут поддерживать такую боевую

мощь, которая обеспечит поражение любых попыток любого противника — в лице государств, так и негосударственных субъектов — навязать свою волю Соединённым Штатам, нашим союзникам или друзьям».

Что это означает в теории и на практике? Здесь ключевыми являются слова «обеспечить поражение». Их можно понимать и как то, что США будут постоянно наращивать своё военно-техническое превосходство, чтобы преобладать над другими странами, и как то, что они будут разными способами блокировать попытки других государств соревноваться с США на этом поле. Казалось бы, в «Стратегии» подтверждается именно первое толкование, но, например, в выступлении Кондолизы Райс, главного советника Буша

по внешней политике, в октябре 2002 года в Нью-Йорке прямо указывается и на иное понимание: доктрина направлена на то, чтобы «убедить потенциальных противников отказаться от попыток превзойти или даже достигнуть мощи, сопоставимой с мощью Соединённых Штатов и их союзников».

Таким образом, через «доктрину Буша» США предупреждали мир, что сделают всё (военным или любым другим способом), чтобы ни одно государство, враждебное или дружественное к США, никогда даже не пыталось конкурировать с ними в экономической, технологической или военной областях. Это и есть постановка задачи глобального доминирования. Иначе говоря, слова о «США как новой мировой империи» наподобие античного Рима — вовсе не пустое пропагандистское клише.

«Доктрина Буша» состоит из нескольких компонентов, среди которых главным является политика «превентивной войны». И хотя это положение вызвало в то время наибольшие споры в военно-политической элите, однако по факту именно превентивным образом США развязали войны в Ираке и в Афганистане. Суть этой политики была в том, что США имеют право (и даже обязаны) смещать режимы в других странах, которые представляют потенциальную или даже предполагаемую угрозу для их безопасности.

Ещё одним компонентом этой доктрины была политика «распространения демократии» по всему миру. Делалось это под видом «борьбы с терроризмом». И третьим элементом «доктрины Буша» была новая для того времени готовность США следовать своим военным и национальным интересам в одно-

стороннем порядке, т.е. без оглядки на мнение мирового сообщества, в том числе ООН.

Несомненно, что «доктрина Буша» никак не противоречит долгосрочным тенденциям американской истории новейшего времени, а как раз развивает их. Именно поэтому политика Обамы в военной сфере не отменяет, а продолжает идейные предпосылки бушевской внешнеполитической доктрины, а новая военная доктрина, опубликованная в сентябре 2012 года, в свою очередь, не отменяет «доктрину Буша», а является её продолжением в новых условиях. И решает, вместе с политической, идеологической, культурной и другими доктринами США главную задачу — утвердить своё доминирование в мире.

С кем воевать?

Итак, если вновь вернуться к докладу Объединённого комитета начальников штабов США, представленного его председателем М.Демпси, то можно увидеть, что центральным является предложение об организации совместных интегрированных операций. Сегодня войны в одиночку вести слишком дорого, поэтому к совместным операциям подтягиваются партнёры по НАТО. Сама же американская армия должна быть готова сыграть роль объединяющего и направляющего центра, обеспечивающего глобальное руководство и военно-техническое превосходство.

Кстати, в своём техническом превосходстве американские стратеги безапелляционно убеждены. Начиная с 50-х годов, военные спе-

циалисты США все планы операций строили на представлении о качественном техническом преимуществе США над противником. Так было даже в годы холодной войны, когда мощь армий стран Варшавского договора оценивалась ими как количественно превосходящая, но качественно отстающая от сил Альянса. А после поражения СССР в холодной войне чувство превосходства стократно усилилось и превратилось в бесконечно высокомерную убежденность.

Это не означает, что концепция Пентагона предполагает только войны с современными туземцами, принципиально хуже оснащёнными технически, чем нападающие на них колонизаторы. Напротив, в докладе прямо говорится, что на поле боя армия США может встретить противника, технически весьма подготовленного. Ведь сейчас самые со-

вершенные военные технологии можно получить, просто заплатив достаточное количество долларов. И эта перспектива абсолютно не исключена. Но столкновение с отдельными очагами высокотехнологического сопротивления — это одно. А несопоставимость совокупных технологических возможностей США и их противников — это другое. По совокупным технологическим возможностям противник США, как считают американские стратеги, всегда будет качественно уступать американской мощи. И исходят из этого в планировании крупномасштабных военных операций.

Наконец, стоит сказать о том главном прогнозе, который предлагают авторы доклада, правда, не делая из него всех необходимых выводов. Он состоит в том, что в будущей войне в качестве субъекта будут выступать не

только и не столько армии, сколько разнообразные негосударственные образования партизанского или иного типа.

Вот где таится, на наш взгляд, самая опасная новизна. Американцы осознают степень инновационности подобного вывода. Они признают, что, несмотря на накопленный за последнее десятилетие опыт войн в Ираке и Афганистане, а также опыт антитеррористической борьбы в этих и других регионах мира, эти виды войн сейчас для них непривычны. Недаром автор статьи в *World Politics Review* Стивен Метц пишет, что новые веяния «обязывают американскую армию отказаться от своих громоздких, косных и бюрократических взглядов».

Но новая доктрина, указывая на наличие подобных нерегулярных контингентов (партизанских отрядов, бандформирований и т.п.)

и даже классифицируя их, не рассматривает их возросшие боевые возможности в борьбе с регулярными войсками США и НАТО. Между тем, нерегулярные контингенты очевидным образом наращивают и боевое мастерство, и потенциал. Уже сейчас от них можно ожидать не только террористических актов и захватов заложников, но и широкомасштабных действий по захвату и упорной обороне важных стратегических объектов, открытых вооружённых столкновений с участием до 500 человек. А завтра армия США может столкнуться и с иными количественными возможностями нерегулярных войск, и с иным качеством их профессионализма и оснащённости.

Ведь и бандиты, и партизаны своеобразным способом «прогрессируют». Кроме того, к ним дело не сводится. Как грибы после дождя, растут частные армии. Вскоре за очень

большие деньги можно будет нанять весьма дееспособные подразделения. И если они войдут в определённую связь с бандитами и партизанами, картина резко усложнится.

Наконец, существуют и постоянно укрепляющиеся транснациональные преступные кланы, представляющие собой сплочённые, вооружённые и обученные действиям в любых экстремальных ситуациях группировки, которые ради умножения криминальных доходов легко пойдут на открытый конфликт с государственными структурами. Единство этих кланов, частных армий, партизанских формирований и бандитских структур сулит серьёзные угрозы, которые новая американская доктрина называет, но всерьёз не учитывает.

И всё же наиболее важно то, что новая доктрина предполагает возможность ради-

кальнейшего изменения характера войн уже в ближайшее десятилетие. Причём стратеги США говорят об этой перспективе с определённой долей хорошо скрываемой неуверенности. Ведь дело не только в изменении тактики, появлении суперсовременного оружия и т.д. Дело в появлении совсем нового субъекта войны, который не учитывался прежде в штабных планах войн предыдущего поколения. Характеристики данного субъекта нам ещё не раз придётся анализировать в следующих статьях.

Юрий Бардахчиев

Культурная война

Феномен Femen

«Пили кресты, спасай Россию!»

Тактическая борьба с искусством Марата Гельмана приносит свои плоды. Открытие его выставок в разных городах России срывается, выставки сворачиваются или откладываются. Хотя Гельман назвал всех противников своих выставок мракобесами, но под давлением общественного мнения ему всё-таки придётся покинуть Пермскую область: он уволен с должности директора Пермского центра развития дизайна (ПЦРД).

Фемен и Путин (фото с сайта Femen.org)

Убить Кирилла (фото с сайта Femen.org)

Это важная, но не решающая победа, так как скандальный галерист занят не менее эпатажным проектом, чем обычно, а именно — группой Pussy Riot. Так как группу быстро задействовали в политической войне, мы рассмотрим подробно деятельность их украинского аналога — движения Femen. Появившись в 2008 году, оно достаточно проявило себя, чтобы можно было говорить о новом действующем лице на поле разрушения основ культуры.

Кто такие эти Femen?

В России Femen стало известно благодаря нескольким скандальным акциям. 4 марта 2012 года участницы группы, украшенные надписями «Краду за Путина» и «Крем-

лёвские крысы», попытались украсть урну с избирательного участка, где голосовал Путин. 26 июля полуголая активистка Femen набросилась на патриарха Кирилла в киевском аэропорту.

17 августа 2012 года активистки движения в знак солидарности с группой Pussy Riot спилили бензопилой крест жертвам политических репрессий в Киеве. После этой акции в блоге движения Femen появилась запись: «Данным актом Femen призывает все здравые силы общества нещадно выпиливать из мозга трухлявые религиозные предрассудки, служащие опорой диктатуре и препятствующие развитию демократии и свободы женщин».

Вслед за августовской акцией Femen анонсировало «гастрольный тур по очагам православного зодчества России» активно призы-

вая «пилить кресты». Действительно, после этого «призыва» в России неизвестными последователями Femen было спилено несколько крестов. Комментируя произошедшие акции вандализма, активистки Femen заявили, что приветствуют «отважных кресторубов».

На Западе Femen пока не пользуются такой известностью, как Pussy Riot, которым предложили провести концертное турне по 100 городам мира с гонораром до 500 000 евро за каждое шоу. Тем не менее, Femen тоже начинает завоёвывать популярность. Так, 10 сентября 2012 года группа приняла участие в голландском арт-фестивале в городе Энсхеде. Участницы Femen спилили специально установленные для этого мероприятия кресты, охарактеризованные как «осколки в теле цивилизации». На сайте Femen опубликовано 32 фотографии, на которых полуго-

лые девушки на сцене орудуют бензопилой с надписью «russy».

А уже 14 сентября французская юстиция выдала украинским феминисткам официальное уведомление о регистрации международного женского движения Femen на территории Франции. Сообщалось, что в Париже откроется «тренировочный лагерь» Femen, который будет заниматься подготовкой активисток движения для проведения протестных акций по всему миру. Задел для таких акций уже есть: 7 сентября в Бразилии, на празднике 90-летия независимости страны участницы Femen выкрикивали лозунги «Бразилия — колония мачизма, насилия и эксплуатации».

Эксперты утверждают, что на постоянной основе в группе работают четыре девушки. Они — лидеры движения — раздают интер-

вью и объясняют причины той или иной акции. При этом на отдельные «перформансы» дополнительно привлекаются девушки, которые хотят получить свою «минуту славы».

Психологи считают, что девушки из Femen, вероятнее всего, имели тяжёлые психологические травмы в детстве, а теперь не понимают, как жить дальше. И именно проблемы самореализации толкают их на такие шокирующие действия, как раздевание перед камерами.

Кто-то считает, что девушек могут использовать в избирательных кампаниях, но не как отдельную силу, а для слива компромата и подстав. Или просто для пропаганды секс-туризма на Украине.

Сами участницы Femen заявляют, что их акции — это новый этап феминистского движения: «Мы — феминистки. Но у нас осо-

бый, жёсткий феминизм — «секстремизм»: мы объединили секс и экстремизм, это наша идеология и тактика одновременно».

В русле мирового феминистского движения деятельность Femen не является новым этапом, а представляет собой повторение основных тезисов «неофеминизма». Главная идея неофеминизма — это постулат об особом женском начале как ином, равноценном мужскому, варианте человечества. Участницы направления считают своей задачей указать на социально-экономические факторы, которые определили угнетение женщин, и призывают восстать против односторонне мужского характера культуры. Отсюда их желание сломать все стереотипы о женском предназначении, объявив их навязанными «мужской цивилизацией».

Новая волна «неофеминизма» ярко вопло-

тилась в движении childfree («свободные от детей»). В этой связи акция Femen в защиту абортов, то есть за свободу женщины распоряжаться своим телом (тезис «неофеминисток»), является всего лишь мелким эпизодом. Проблема, к сожалению, значительно глубже.

Дело в том, что движение childfree оказалось резонансным благодаря популяризации со стороны голливудских звёзд. «Материнство никогда не было моей навязчивой идеей. Уж лучше я буду классной тётей для своих племянников», — говорит актриса Рене Зеллвегер. Усугубляет этот тезис Элизабет Каналис, заявляющая, что её материнский инстинкт вполне удовлетворяют её собаки. А известная голливудская актриса Камерон Диаз вообще считает, что «на Земле и так уже слишком много людей».

Всё это можно было бы определить как личные предпочтения неких экзальтированных особ, если бы речь шла не о поп-дивах, способных оказывать воздействие на массы, а вопрос о материнстве не ставился в социальном ключе. Актриса Ким Кэтролл (героиня «Секса в большом городе») говорит, что её смущает мнение общества о женщине без детей. То есть о женщине, не стремящейся стать матерью. Тезис о давлении общества повторяет Камерон Диаз. По её мнению, многие женщины не хотят иметь детей, но не признаются в этом, опасаясь осуждения общества.

Дальше — больше. Тема предназначения женщин и вопрос о женской природе в трактовке «неофеминизма» начинает подниматься в современном кино. В ироничном фильме «Догма» (США, 1999) богом оказывается даже не женщина, а капризная девочка...

В 2007 году выходит фильм испанского режиссёра Хулио Медема «Беспокойная Анна» (в оригинале «Caotica (хаотичная) Анна»). Героиня воплощает женское начало, творческое, созидательное. В противовес мужскому, сеющему насилие и смерть.

А в 2009 году знаменитый датский режиссёр Ларс фон Триер снимает фильм «Антихрист», в основе которого лежит гностическая идея о том, что вселенная сотворена не благим богом, а злым демиургом. Эту же идею Триер развивает в своём следующем фильме «Меланхолия». Герои Триера осознают, что мир создан злой волей и его уничтожение — это освобождение от тягостного, изматывающего рабства. Какие уж тут дети! «Антихрист» начинается с того, что чистое существо — маленький ребёнок падает из окна под романтическую музыку Георга Фридри-

ха Генделя.

Теологи и культурологи уже давно пишут о дехристианизации Европы. И причина не только в том, что Европа стремительно исламизируется. Вытеснение христианских принципов из повседневной жизни приводит к образованию религиозного и социального вакуума, который заполняется оккультным и языческим суррогатом.

Культуролог Роман Багдасаров, который идеологически окормляет группы Femen и Pussy Riot, рассматривает акцию Pussy Riot в храме Христа Спасителя как магию. Мол, это магическая акция в чистом виде, «это нарушение или разрушение табу».

Кроме оккультизма, культурологом в оборот активно вводится тема «женской цивилизации».

Из интервью Багдасарова: «Патриар-

хат, а также многие вещи, которые пристали к христианству в процессе его исторической биографии, должны быть отделены для того, чтобы христианство смогло предстать в своём актуальном и современном виде... Что мы понимаем под словом «отец» применительно к Богу? Что это Творец, который находится за пределами мира, он порождает мир. Но если это так понимать, мать имеет такое же отношение к ребёнку, как и отец... Поэтому с таким же успехом Бога можно называть матерью...».

И вот уже в диалог вступает Евгений Головин и другие авторы альманаха «Волшебная гора». У Головина возникает (как он утверждает) закономерный вопрос: «Почему считается, что мужчина и женщина принадлежат одному и тому же человечеству?». Он

объясняет: «Проблема такова: монотеистическая культура основана на едином, во главу угла ставится первоединое, абсолют. Все мы привыкли к той культуре, где мужское первоединое идёт фаллическим темпом вперёд в духовную, душевную, материальную материю. И когда иссякает фаллическая энергия первоединого, то мы получаем то, что сейчас имеем».

Ситуация с Femen как нельзя кстати ложится на дехристианизацию современного западного мира и на желание избавиться от «вещей, которые пристали к христианству в процессе его исторической биографии». Акции Femen вызывают аллюзии с древними оргиастически-экстатическими культами, с вакханками, растерзавшими Орфея, и с культами Великой Богини-матери.

Представление о богине-матери, олицетво-

ряющей природу, лежало в основе культов со времён палеолита. В Малой Азии поклонялись Кибеле, на Крите находят статуэтки богинь, держащих в руках извивающихся змей. К слиянию с природой стремились служительницы Диониса — вакханки. Опьянение, наркотический угар, стирание границ, преград и ограничений, растворение в природе — основной мотив Вакханалий.

На одной из фотографий участница Femen напоминает кровавую, многорукую индийскую богиню Кали.

Образы, создаваемые Femen, красноречиво говорят о том, какой «коктейль» получается, если смешать «неофеминизм», древние культы, фрейдизм и дешёвые фильмы ужасов. В связи с фильмами ужасов, можно отослать всех, имеющих крепкие нервы, к фильму «Хостел» (США, 2005). В нём процесс пе-

перерождения женщины в убийцу, в ходячую смерть с косой, находится в контексте проблем, возникших в обществе, всё больше погружающемся в ощущение бессмысленности, жестокости и гнусности бытия.

Пустое бытие заполняется уже не только оккультизмом. Насущными темами стали: эвтаназия, каннибализм, удовольствие от убийства и самоубийства. А образ Femen в виде полуголой женщины с бензопилой адресует к уже ставшей привычной проблематике. И антагонистичен образу женщины-матери, оторван от всего, что с ним связано: Богоматери, Родины-Матери. Обсуждавшаяся нами не раз ювенальная юстиция, в конце концов, тоже призвана разрушить представление о материнстве.

Борьба Femen с политической системой, в духе «белоленточников»: мол, всё снесём...

Это только начало. Начало строительства антимира. Хотя, скорее всего, после того как будут разрушены все устои, запреты, табу... Человечество, ощутив на собственной шкуре, что такое «матриархат», будет с нетерпением ждать избавления в виде прекращения эксперимента под названием жизнь...

Мария Рыжова

Наша война

Размышляя над детскими рисунками

Что важнее — то, что есть в детских рисунках, или то, чего в них нет?

В апреле-мае этого года силами активистов Движения «Суть времени» было проведено беспрецедентное исследование: тысячи детей по всей России по просьбе «Суть времени» рисовали свою семью,

Размышляя над детскими рисунками 137
своих героев, себя в будущем и свою страну.

Замысел исследования состоял в том, чтобы с помощью детских рисунков исследовать не особенности развития и представлений отдельных детей (как это делается в психологии и психотерапии), но обобщённую картину мира нашего самого младшего поколения. Это поколение формируется в не самой благоприятной общественной обстановке: всепроникающий регресс, разлитая общественная апатия, резко ухудшающиеся условия жизни, призрачные и тающие, как снежок в кулаке, перспективы... Тем более важно понять, что впитывают дети в этой смрадной атмосфере, какие представления у них складываются об обществе, о стране, о будущем, которое нас ждёт. Ведь дети вырастут! И та картина мира, которая у них сформировалась, начнёт ре-

ализовываться в их уже взрослой жизни, когда уже они (а не мы, сегодняшние взрослые) будут определять, «что же будет с Родиной и с нами».

Но почему рисунки? — могут нас спросить. Почему «просто» не спросить детей о том, кем они хотят быть и как, и где жить, о чём они мечтают, кем восхищаются и т.д.? Ответить на этот вопрос и легко, и сложно. Дело в том, что рисунок ребёнка на заданную тему — это своеобразное интервью, данное им при помощи изобразительных средств. Причём это интервью проективное: в рисунке проявляются такие представления и переживания детей, которые ими полностью (а иногда и вообще) не осознаются, которые им трудно или невозможно вербализовать (выразить в словах) и т.д.

Да мало ли, что придёт в голову ребёнка,

разве можно делать выводы по случайным рисункам! — скажут нам. И будут неправы. Потому что выводы делать не только можно, но и нужно — если мы хотим понять, как дети видят мир, и почему их мир именно такой, какой есть. Ведь что рисует ребёнок? Многочисленные отечественные и зарубежные исследователи детского рисунка со всей ясностью установили, что «случайных» рисунков у детей не бывает: дети рисуют то, что было в их опыте, что они усвоили, общаясь в семье и со сверстниками, взаимодействуя с окружающим миром в целом. Исследователи в один голос говорят о том, что, рисуя, дети отражают значимые для них представления и переживания (которые, к слову, невозможно во всей полноте выявить, если «просто» разговаривать с детьми), там не бывает случайных элементов.

Другое дело, что, имея дело с детскими рисунками, нельзя делать слишком прямолинейных выводов. В наше время, наверное, не было детей, которые не хотели бы в какой-то момент быть пожарными. И наверное, если бы тогда нас и наших сверстников попросили нарисовать «героя, на которого ты хотел бы быть похожим» или «себя в будущем», то среди рисунков и героев, и будущего была бы чуть не половина изображений пожарных или, в крайнем случае, неизвестного героя из стихотворения С. Маршака — помните:

Ищут пожарные,
Ищет милиция,
Ищут фотографы
В нашей столице,
Ищут давно,
Но не могут найти
Парня какого-то

Лет двадцати.

Но сегодня вокруг нас отнюдь не одни пожарные, да и мы сами — тоже не пожарные, а, наоборот, психологи. Что из этого следует? Во-первых, что детские рисунки нельзя трактовать буквально: «Если рисует себя в будущем пожарным, то и будет пожарным». А во-вторых, что нельзя относиться к детским рисункам как чему-то несущественному, бессмысленному: «Мало ли что рисуют, на самом деле мы же знаем, что пожарным почти никто не станет». Главное — что (как в нашем примере) пожарный в детском рисунке героя — это отражение складывающегося у маленького человека понимания самого принципа героизма — самопожертвования ради других людей, ради общества. И мечтая стать пожарным, ребёнок как бы примеряет на себя этот героизм, проигрывает его внутри

себя и становится чуть более человеком. Станет ли он пожарным — дело десятое, а вот то, что он осваивает модель смелости, отваги, альтруизма и самопожертвования в экстремальных ситуациях — это дело наиглавнейшее. В этом смысле конец того самого стихотворения Маршака тоже очень важен:

Многие парни
Плечисты и крепки,
Многие носят
Футболки и кепки.
Много в столице
Таких же
Значков.
К славному подвигу
Каждый
Готов!

«К славному подвигу каждый готов!» — вот значение желания быть пожарным для

развития личности. В каком-то смысле, человек, который никогда не хотел быть пожарным, — гораздо менее человек, чем те, кто хотел. Так же, как и тот, кто никогда не хотел быть врачом, военным, милиционером (извините, полицейским), космонавтом и пр. Потому что основные черты поведения, лежащие в основе этих профессий, должны быть освоены каждым членом общества (если оно общество) независимо от того, какую профессию выберет себе ребёнок, когда вырастет. Конечно, опрашивая в определённое время конкретного ребёнка, мы можем «не попасть» на момент, когда он хотел стать пожарным, или хотел быть похожим на Николая Гастелло, и это в индивидуальном исследовании не может привести нас ни к каким заключениям. Но если мы опрашиваем множество детей (а мы опросили больше трёх тысяч), и

среди них только единицы хотят быть пожарными и никто не хочет быть похож (условно) на Александра Матросова — стоит задуматься: что это будет за общество, которое будет состоять из этих повзрослевших детей, и что это за общество, которое «производит» таких детей.

В некотором смысле, то, чего нет в детских рисунках (особенно, если их много), ничуть не менее важно того, что в них есть. Потому что отсутствие в детских рисунках какого-то модельного образа или важной для общества деятельности означает, что соответствующие образцы поведения не освоены детьми, а значит, не освоены, не интериоризованы лежащие в их основе ценности. Ведь идеальное — великие смыслы, великие цели, ценности, идеалы — не берётся из ниоткуда, оно формируется путём освоения неких пове-

денческих образцов и вычленения затем лежащих в их основе ценностей и смыслов. Нет освоения важных поведенческих образцов — не будет ценностей, сколько бы о их важности ни говорили в школе или по телевизору.

С другой стороны, то, какие именно поведенческие образцы осваиваются и проигрываются ребёнком, определяет «набор» ценностей и смыслов, которыми будет руководствоваться взрослый человек, а значит — какие ценности и смыслы будут лежать в основании общества, состоящего из этих детей, когда они вырастут. Как гласит известный трюизм, «дети — наше будущее». Поэтому формирование их ценностей — важнейшая задача любого общества.

Есть и другой важный смысл в стоящих за детскими рисунками образах будущего и представлениях о героическом. Это «встроен-

ные» в эти образы и представления сценарии жизни, которые тоже примериваются на себя ребёнком и, соответственно, тоже интериоризируются. В каждой мечте типа «хочу быть...» содержится длинная ниточка, цепочка, обязательных шагов жизненного сценария, которые неотделимы от этой мечты и «поставляются» с ней в комплекте. И если даже ребёнок (в силу малого возраста или недостаточного жизненного опыта) не сразу и не целиком видит всю эту цепочку «следствий» своей мечты, то ему обязательно подскажут взрослые. Так, например, если ребёнок мечтает стать космонавтом, то эта мечта обязательно включает целый клубок вполне определённых сценариев-требований: нужно иметь хорошее здоровье — значит нужно заниматься спортом и вести здоровый образ жизни — значит надо, к примеру, отказываться от сладко-

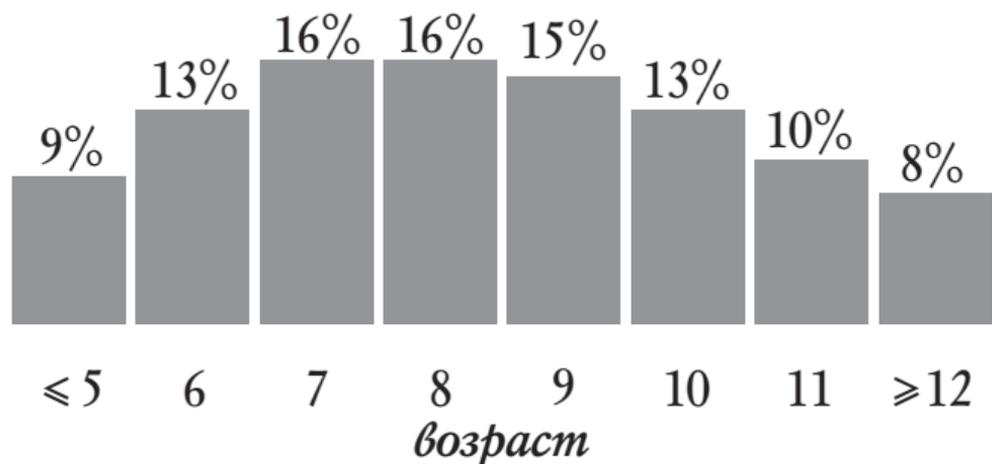
го — а сладкого хочется — значит надо волю закалять... А ещё нужно поступить в лётное училище — значит нужно хорошо учиться по математике, например — а математика не даётся — значит нужно больше заниматься и меньше играть в компьютерные игры — а хочется играть, а не заниматься... Все эти цепочки поведенческих следствий любой мечты полностью или частично «проигрываются» ребёнком, а значит — погружаются, интериоризируются и становятся частью личности некоторые исключительно важные социальные знания и навыки. И даже если ребёнок хотел стать космонавтом всего неделю, а потом решил стать милиционером — всё равно сценарии, усвоенные им — хотя бы на уровне представлений — вместе с мечтой о «космонавте», останутся с ним навсегда и окажут влияние на формирование его личности.

Легко догадаться, что в каждой мечте кроются свои собственные, вполне конкретные сценарии, и далеко не все они, будучи усвоенными детьми, приносят пользу формированию их личности. Например, нам трудно понять, что можно извлечь из мечты стать моделью — весьма распространённой, как выяснилось, у наших детей. Разве что анорексию? — но вряд ли это можно считать полезным приобретением. А ведь есть и такие мечты, которые вообще не содержат никаких путей к себе. Как стать принцессой? Ответ — никак. То есть это заведомо неосуществимые фантазии, которые ничего не дают ни ребёнку, ни — потом — взрослому.

Итак, объектом нашего исследования было социально-психологическое состояние общества, а предметом — рисунки детей.

Всего в исследовании участвовали 3477

Размышляя над детскими рисунками 149
детей из 63 регионов России. По возрасту де-
ти были очень разные:

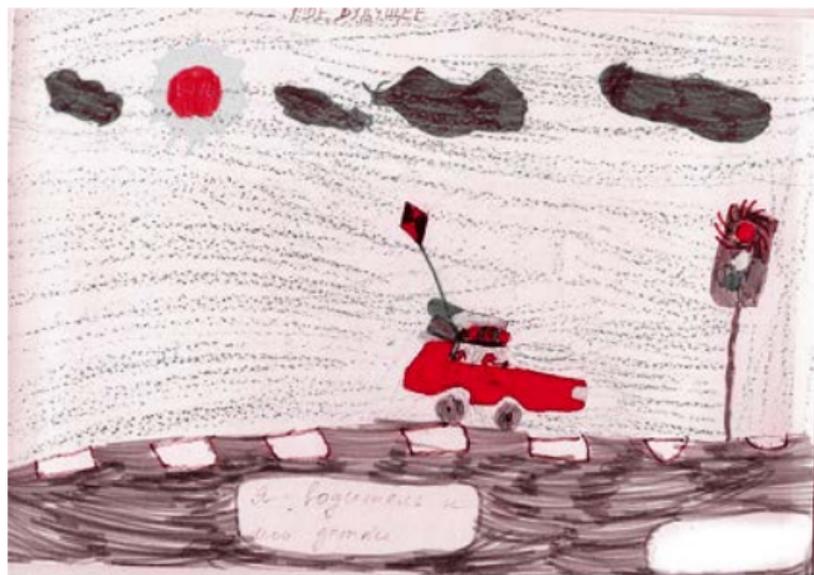

Дети были разными и многим другим признакам: из детских домов, неполных, полных и «переполненных» семей, дети из деревень и из городов, с родителями-предпринимателями и родителями-гастарбайтерами, родителями-рабочими и родителями-учёными.

Все вместе они сделали 9 744 рисунка. Конечно, рисовали больше девочки (их 59%), но и 1 439 мальчиков тоже постарались.

Рисунков очень много, и их анализ займёт ещё немало времени. Но некоторые предварительные результаты можно обсудить уже сейчас. Конечно, в формате газетной статьи нет никакой возможности сделать это в необходимой степени подробно. Поэтому будут представлены только основные результаты и выводы — и наиболее типичные примеры рисунков. Сначала — о рисунках будущего.

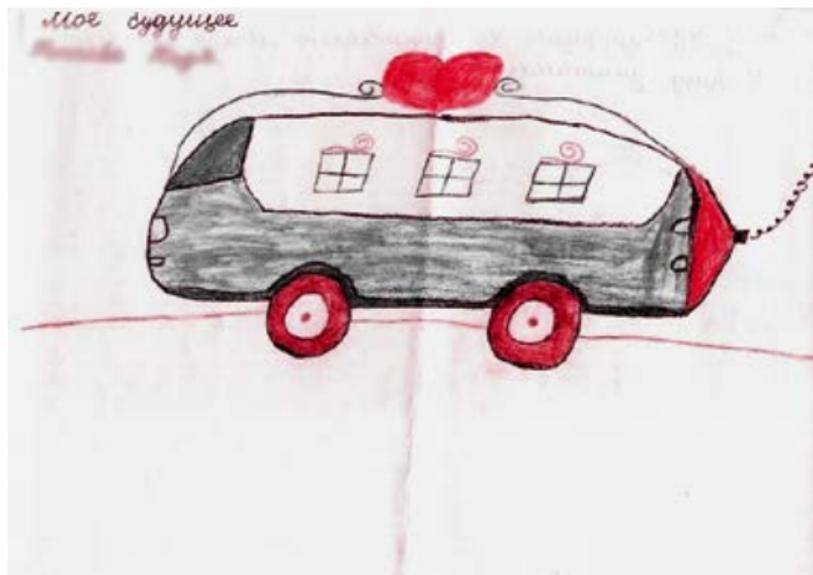

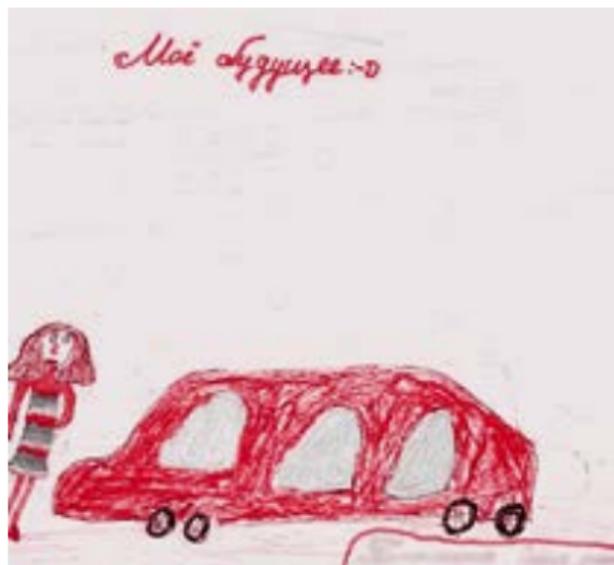
Размышляя над детскими рисунками 158

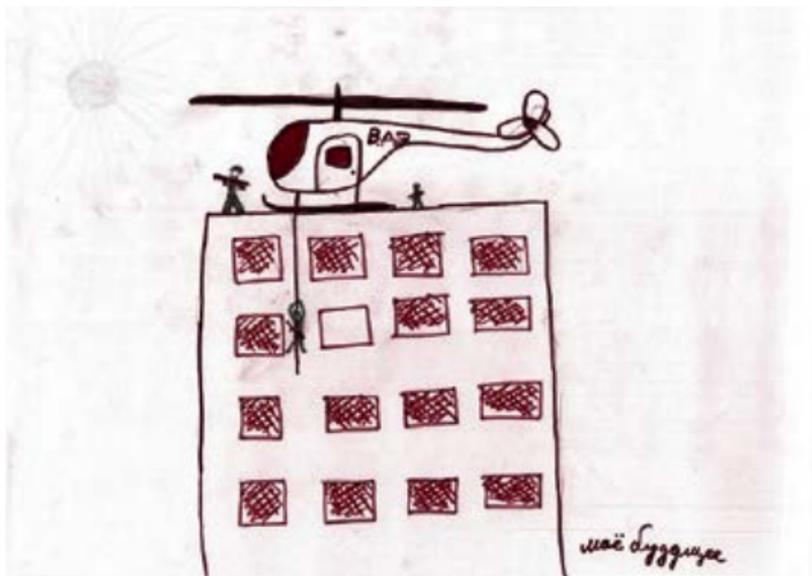
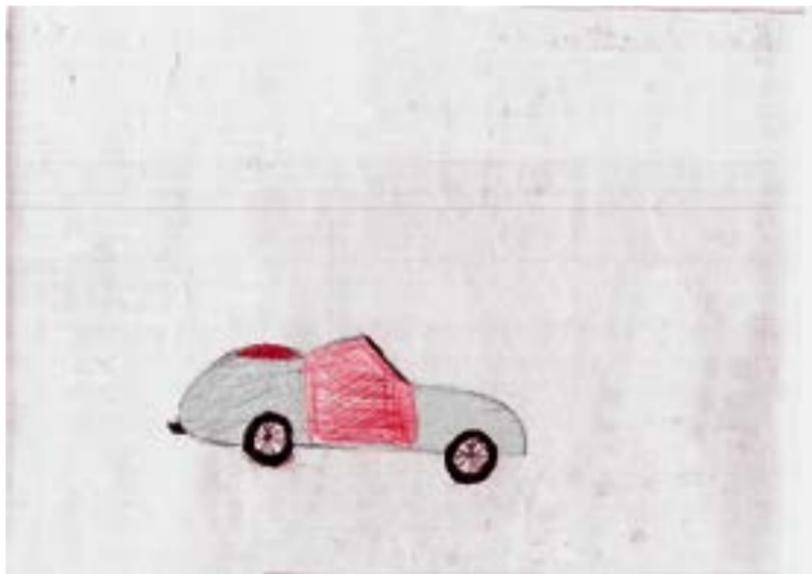

Мир без будущего

В этом вакууме нет никаких позитивных представлений: ни о рае, ни о мире во всём мире и счастье для всех, ни о победе над болезнями, ни о завоевании других планет

Хорошая профессия. Наиболее часто будущее представляется как воплощение мечты ребёнка «стать кем-то» — он изображает себя как представителя какой-то профессии. Преобладают (примерно 60%) модные и престижные профессии, так или иначе связанные с шоу-бизнесом: актёр, спортсмен, певец, модель, балерина, художник, дизайнер. Вторая по встречаемости группа (28%) — «обычные» профессии: врач, водитель, электрик, продавец, мастер по ремонту бытовой техники, строитель, автомеханик, повар, учитель. «Героические» профессии — на третьем месте (10%): спасатели, военные, лётчики, пожарные, полицейские.

«Нормальная» жизнь. Очень часто (практически так же часто, как и мечта о профессии, а иногда — в соединении с ней) встречается представление о будущем как о дости-

жении определённых (высоких!) стандартов уровня жизни. Свой дом, свой автомобиль, своя собака, своя лошадь, свой вертолёт... Своя вилла с бассейном, своя «Феррари», свои бриллианты... Свой магазин, свой салон красоты, своя автомастерская... И много денег: миллионы в мешках, работа банкиром, президентом («потому что у него есть машинка для печатания денег»). Сюда же примыкают рисунки, в которых изображено достижение семейного счастья (чаще у девочек): я и мой будущий муж, я и принц (я — принцесса и принц, я — Золушка и принц), моя свадьба, моя будущая семья, я и мои дети на моей даче, я и моя семья в моём доме (в моей машине).

Реализация сегодняшних желаний или просто обыденность. Значительная часть детей вообще не может представить будущее

— они рисуют либо обычные дела и события, либо — реализацию собственных желаний. Я иду в детский сад, в школу. Я рисую в художественной школе. Я что-то делаю. Хочу поехать к бабушке на дачу, на море с мамой, получить вещь в подарок.

Будущее — это фантастика. Довольно редкая категория, но всё же заметная. Чаще всего изображаются новые средства транспорта, летающие дома, ракеты, летающие тарелки, летающие автомобили, роботы, движущиеся дороги, фантастические города.

Будущее — это сказка. Редко, но встречается: я супермен, я с мамой на даче гуляю с инопланетянами, папа — король, мама — королева, я — принцесса, это моя сказочная страна.

Будущее — мечта. Почти незаметное количество рисунков. Относятся к рисункам

профессий и «нормальной жизни» примерно как 1 к 100. Будущее — это воплощение «большой» мечты: хочу полететь в космос, хочу совершить кругосветное путешествие.

Общее впечатление, которое складывается довольно быстро при просмотре рисунков и потом только усиливается — отсутствие у детей какого бы то ни было позитивного образа будущего, который в советское время формировался с помощью популяризации науки и научно-технической фантастики. Между сказочным будущим, в котором дети понарошку представляют себя Золушками, принцессами, феями, Гарри Поттерами и Суперменами, и тусклой обыденной реальностью, скрытой за яркими красками детских рисунков, в сознании детей существует огромный, космического масштаба разрыв. Настоящий футурологический вакуум. В этом вакууме нет никаких

позитивных представлений: ни о рае (земном или небесном), ни о мире во всём мире и счастье для всех, ни о победе над болезнями, ни о завоевании других планет. В этом вакууме летают жалкие остатки советских представлений о будущем, заложенные космической эрой и научной фантастикой — в лице Гагарина и Стрелки с Белкой. В рисунках нет ни одной фантастической новой идеи, связанной с современной наукой. Да что там фантастические идеи! — в рисунках детей о будущем (!) вообще отсутствует наука. Её нет. Совсем.

В этой «футурологической пустоте» пространство возможностей детей при конструировании образа будущего резко ограничено. И вполне естественно, что все «мечты» смещаются в сторону «нормальной жизни», в которой единственно возможным становится достижение благополучия, семейного сча-

ства, получение любимой, надёжной или престижной профессии (стоматолог vs. доктор), достаток и богатство, чаще всего выраженный формулой «свой дом + свой автомобиль + своя семья». Но дети же фантазёры, они должны мечтать, и многих не устраивает такое «богатое» в прямом смысле слова, но скучное будущее. И тогда они начинают мечтать о карнавале — вот и появляются сотни «мечт» о том, как они станут рок-звёздами, певицами, актёрами и актрисами, моделями...

Этот футурологический вакуум не является чем-то естественным. Он тщательно и продуманно организован, что ярко выявляется в рисунках «Мой герой». Но об этом — в следующий раз.

Андрей Сверчков, Юлия Крижанская

Социальная война

Социоцид — 2

Правящий класс России намерен низвести общество до состояния легко управляемой биомассы

19 октября 2012 г. на обсуждении в Госдуме законопроектов об образовании (в первом чтении), лидер ЛДПР В. Жириновский заявил: «Хорошее образование ведёт к революции, при хорошем уровне образования образованные люди выходят на улицы и свергают власть, создавшую та-

кую систему обучения... Чем быстрее и лучше даёте образование, тем быстрее будет революция. Не давали бы образования в СССР, он бы не рухнул ещё 300 лет».

В. Жириновский

В предыдущей статье мы рассмотрели три направления удара в социальной войне.

Четвёртым важным направлением удара в социальной войне против своего общества следует считать наращивание социальных дистанций и взаимного отчуждения (раскола в обществе), провоцирование и поощрение агрессии в отношении других социальных групп, институтов власти и государства, а также асоциальных форм личного и группового поведения (включая криминализацию).

Уличные протесты этого года беспощадно обнажили не только противостояние «малого» и «большого» народов — либерально-олигархической элиты и остального общества. «Болотный» протест предъявил всё возрастающую и не прикрываемую никакими приличиями социальную ненависть элиты и обслуживающей её культурной интелли-

генции к большинству населения. Был сознательно вброшен и внедрён в интернет-пространство целый ряд откровенно фашистских высказываний околополитической тусовки на тему безусловного (непримиримого) разделения российского общества на «дельфинов» и «анчоусов», «мух» и «пчёл», «креативный класс» и «совков».

Российское общество не случайно, а целенаправленно разделяется социальными перегородками бедности и богатства, потребления и духовности, наличия и отсутствия надежды на будущее. Правящий класс России намерен низвести общество до состояния легко управляемой биомассы.

Многие помнят беспрецедентное выступление председателя правления Сбербанка Г. Грефа перед нашей, так сказать, элитой на Петербургском форуме, на сессии Сбербан-

ка России. Между прочим, главного Сберегательного банка страны, где находится 46% вкладов граждан, почти треть кредитов, подавляющая часть коммунальных и налоговых платежей.

Г. Греф

«Вы говорите страшные вещи, — сказал Греф участникам дискуссии (речь шла о передаче власти народу). — Вы предлагаете передать власть, фактически, в руки населения... Если каждый человек сможет участвовать в управлении, что же мы науправляем! Люди не хотят быть манипулируемыми, когда имеют знания. Как только простые люди поймут основу своего «я», самоидентифицируются, управляют, т.е. манипулировать ими, будет чрезвычайно тяжело... Как жить, как управлять таким обществом, где все имеют возможность судить напрямую, получают непрепарированную информацию, не через обученных правительством аналитиков, политологов и огромные машины спущенных на головы СМИ, которые как бы неза-

висимы, а на самом деле, мы понимаем, что все СМИ заняты сохранением страт? Мне кажется, Вы не совсем понимаете, что говорите».

Позже Греф оправдывался, что он шутил, пародировал чужую позицию, с которой он категорически не согласен! Но мы живём в условиях абсолютной публичности, и все высказывания лиц, подобных Грефу, немедленно выкладываются в интернете, поэтому каждый может ознакомиться с его выступлением. И убедиться, что он, во-первых, абсолютно серьёзен. Во-вторых, излагает данную точку зрения как свою собственную. И, в-третьих, преисполнен по отношению к своей точке зрения глубочайшего пиетета.

А это значит, что наша элита ведёт дело к реальному социоциду, осуществляя против собственного народа такую социальную

войну, которую в редких случаях иноземный враг позволяет себе, воюя против народа чужого.

Война ведётся против общества в целом — поставлена задача разрушить всё, что объединяет людей: единство места и условий жизни, общую историю и культуру, вековые традиции совместного проживания на данной территории, единство действий народа перед лицом опасности — которые только и делают общество субъектом Истории.

Основой социума является некий общественный договор, взаимные обязательства, направленные на улучшение возможностей выживания каждого из его членов. Конечно, любой социум обрекает часть своих членов на военные лишения и гибель во имя остальных; однако принесение такой жертвы внутри социума считается обязательным, а уклонение

от неё — изменой (так было в Великую Отечественную войну). Но если какие-то члены социума или социальная группа (например, правящая верхушка) действуют на благо не своему социуму, а чужому, приносят «своих» в жертву «чужим», то это рассматривается социумом как прямое предательство (и это сегодняшняя ситуация).

Итак, социум — это «поле» взаимной наследственной клятвы о взаимопомощи и ненападении. Именно социум обеспечивает удовлетворение первой фундаментальной потребности человека в безопасности и помощи в случае нужды, фактически делая для каждого своего члена то же самое, что семья делает для ребёнка.

Однако, давая чувство уверенности и защищённости, социум требует от своих членов выполнения определённых обязанностей, тех

самых «жертв» во благо социума.

Есть два подхода к этим обязанностям.

При первом подходе общество, требуя от своего члена платы за свои благодеяния и наказывая его за отказ от выполнения обязанностей, делает это по прагматическому принципу «долг платежом красен», а индивидуум расплачивается с социумом за пользование разнообразными благами. Между социумом и индивидуумом — рыночные отношения, в которых нет места любви, самопожертвованию, доверию и тому подобным химерам.

На Западе этот принцип отработан через хорошо налаженную налоговую систему. У нас же подобный подход приобретает в головах наших либералов совершенно уродливые формы. Например, Ю. Латынина, не стесняясь, публично заявляет о своём политическом идеале избирательного права. По её мнению,

право голосовать могут иметь лишь те, кто платит налогов в казну государства хотя бы на рубль больше, чем получает оттуда. Вы поняли? Врачи, учителя, пенсионеры, армия и полиция и многие другие — объявляются неполноценными гражданами, не уважаемыми налогоплательщиками, а «социальными халявщиками».

Ю. Латынина

Другой подход к обязанностям индивидуума строится на том, что жертва во благо социума провозглашается как высшая и сакральная. «Красна и сладка смерть за Отечество» (Гораций); «Сила и слабых мужей не ничтожна, когда совокупна» (Гомер). Именно такой подход и был принят в своё время в советском обществе. В песнях того времени звучали слова: «Ничего на свете мне вовек не надо — лишь цвела бы Родина моя». В обществе, живущем по этому принципу, открывались огромные возможности быстрой мобилизации, сверхусилий в любой чрезвычайной ситуации. Конечно, происходило такое лишь при наступлении реальной витальной угрозы всему социуму и при наличии жёсткого контроля власти. Чем и славились отдельные периоды советской истории.

Что же касается нашего общества сегодня,

то результатом ведущих против него войн (информационной, идеологической, культурной, социальной — всех тех, которым посвящены разделы нашей газеты) уже является такое злое явление, как аномия.

Это понятие введено крупнейшим французским социологом XIX века Э. Дюркгеймом, и переводится буквально как беззаконие, отсутствие норм. У Дюркгейма аномия означала распад системы нравственных ценностей, скрепляющих общество.

В XX веке понятие аномии развил и уточнил известный американский социолог Р. Мертон. Для него аномия является результатом того, что официально провозглашённых нравственных норм и целей в обществе невозможно или крайне трудно достичь законным путём.

Социологи отмечают, что в сознании лю-

дей сегодняшней России существует и разрастается конфликт из-за того, что в СССР при социализме провозглашались принципы равенства, братства, заинтересованности в труде, а при нынешнем капитализме целями являются материальное обогащение, карьера, личная (индивидуальная) успешность.

Какие же подвижки в сознании наших граждан происходят от такой резкой смены общественных идеалов и морали? Социологи утверждают, что определённые социальные группы вообще перестают чувствовать причастность к обществу. Они отвергают навязываемые новые социальные нормы, ценности и образцы поведения, а вместо общественно-договорных средств достижения целей выдвигают собственные (в том числе, противоправные). Явления аномии затрагивают все слои населения, но особенно сильно они дей-

ствуют на молодёжь.

Социологи, психологи едины во мнении, что особенность аномии сегодняшнего российского общества — его криминализованность. В зрелом советском обществе карманная кража воспринималась людьми как чрезвычайное происшествие, а отношение к преступному миру было устойчиво негативным. Сегодня же уголовная среда перешла с периферии социальной жизни в её ядро и стала общепринятой нормой (ТВ превосходит себя в продвижении этой нормы). В принадлежности к ней видят способ «устроиться в жизни», в подражании ей — способ социализоваться.

При этом под термином «криминализация общества» исследователи понимают такую форму аномии, когда стёрта сама возможность различения социально позитивного и социально негативного поведения, когда

размыты нравственные критерии добра и зла. Заказные убийства, криминальные взрывы, захват заложников, открытый террор против представителей власти, которые не согласились на законы преступного мира, гигантские масштабы проституции и наркомании, бездомные люди и беспризорные дети, массовое вовлечение молодёжи в преступный мир — вот та действительность, к которой привело резкое изменение идеологических и нравственных норм нашего общества.

Таким образом, аномия есть результат разрушения духовной сферы, а криминализация — лишь следствие этого. В обществе потеряны прежние нравственные опоры, вместо них растёт правовой нигилизм, отказ от общественных регуляторов поведения ради своеволия, групповой целесообразности. Ориентация идёт не на позитивные нормы (разре-

шающие), а на принцип «разрешено всё, что не запрещено» — а это произвольно расширяет границы допустимого, вплоть до эгоистического «как захочу, так и будет».

Сейчас многие видят неблагополучие нашего общества. Рост преступности, детской беспризорности, самоубийств, увеличение числа разводов, нежелание иметь детей и многих других негативных трендов являются следствием разрушения культурного и нравственно-ценностного единства общества. Задача в том, чтобы определить неблагополучие нашего общества не просто как разлад в социальном механизме, а как ведущуюся против общества отдельной его правящей группой социальную войну.

Если мы не увидим в происходящем именно подобной социальной войны, мы проспим всё на свете. И через десять лет окажемся

либо в постыдном статусе эмигрантов, либо в роли обитателей беспрецедентного социального гетто. А даже, если судьба почему-либо подарит нам унижительное благополучие в родных пенатах, это ничего не изменит. Потому что это стыдное благополучие. И потому что пользоваться им можно будет недолго. Общество, превращённое в социальную слизь теми, кто развязал против него социальную войну и наращивает беспощадность этой войны самым беспрецедентным образом, будет поглощено другими странами и народами. Мы потеряем Родину, историческую судьбу. Мы опозоримся перед теми, кто неслыханными жертвами и подвигами дал нам шанс жить в своей стране, сообразно своим представлениям о благе и справедливости.

Вера Сорокина

Война с историей

Два боя

Отберут ли у нас историю двух
Отечественных войн?

*Впоследние месяцы на историческом
фронте постсоветского пространства
ведутся два основных боя.*

Продолжается подрыв основополагающей «скрепы» русской истории — понятия «Отечественная война». 26 июля 2012 г. Институт истории Национальной Академии наук Белоруссии заявил, что термин «Отечественная

война 1812 года» представляется необоснованным в официальной белорусской историографии.

Президент США Дж.Буш-младший открывает Памятник жертвам коммунизма, 2007 г.

И — усиливается кампания по «водворению коммунизма на нюрнбергскую скамью». 21 сентября Анна Герман, советник Виктора Януковича и руководитель Главного управления по гуманитарным и общественно-политическим вопросам президентской администрации, пообещала после выборов зарегистрировать в Верховной Раде законопроект о запрете коммунистической идеологии. Такие законы уже действуют в Венгрии, Польше, Словакии, Литве и Эстонии. С 1 октября этого года — и в Молдавии. Но впервые о запрете коммунизма заговорило прорусское правительство Януковича. Случайно ли?

У наблюдаемых сегодня явлений имеется вполне определённая международная история болезни.

В 1959 г. Конгресс США принял Декларацию и Закон о порабощённых народах.

Их инициатором был украинский эмигрант-националист Лев Добрянский. Ученицей Добрянского и членом созданного им Комитета порабощённых народов являлась Екатерина Чумаченко, будущая жена Виктора Ющенко.

На развал СССР через фактор «порабощённых народов» прицельно работали под общим руководством ЦРУ советологи Ричард Пайпс, Збигнев Бжезинский, Александр Беннигсен, Пол Гобл и др. О плодотворной совместной работе с Беннигсеном по подрыву исламских советских республик в 2001 г. поведала на страницах «Независимой газеты» вдова знаменитого советского диссидента Сиявского Мария Розанова.

После развала СССР подрывная практическая работа не прекратилась. Беннигсен некогда рассказывал в печати о «неизбежном» развале Союза из-за национальных дви-

жений. В новое время его ученик Гобл публикует в журнале латышского Балтийского колледжа обороны (№2 за 2004 год) статью «Россия как неудавшееся государство». «Не удалась» Россия, по мнению советолога, опять же по причине большого количества составляющих её национальных областей, готовых в любой момент отделиться — Татарстана, Якутии, Бурятии.

Помимо практической работы прибавилось трудов идеологических. Победу над СССР победители вознамерились оформить «новым Нюрнбергом».

В 1993 г. был создан Мемориальный фонд жертв коммунизма. Его почётным председателем стал Лев Добрянский (одним из директоров после его смерти — дочь Пола). В Консультативном совете — Пайпс и Гобл. Международный совет фонда составили та-

кие известные «любители» России, как литовец Ландсбергис и чех Гавел. Из русских — Буковский и Боннер.

12 июня 2007 г. фондом в Вашингтоне был открыт Мемориал жертвам коммунизма.

В 2006 г. коммунизм был осуждён Советом Европы. В 2009-м, с подачи Гавела и сплочённой им «Вышеградской четвёрки» (кроме Чехии включавшей Словакию, Польшу и Венгрию) — Европарламентом и ОБСЕ.

Два месяца назад, 23 августа 2012 г., в так называемый День памяти жертв сталинизма и нацизма (отмечаемый в день подписания Пакта Молотова–Риббентропа), исполняя наказ ОБСЕ, фонд Добрянского создал виртуальный мемориал для сбора документации о «более 100 миллионах жертв коммунизма». На сайте уже можно ознакомиться с роликом, популяризирующим ложь Резуна-Суворова о

«развязывании Сталиным войны», лекциями Пайпса о «вечном» русском Гулаге: «Гулаг в царское время», «ленинский Гулаг» и пр.

Международная система, озабоченная расправой над коммунизмом, весьма прочно пустила свои корни на постсоветском пространстве.

Пообещавшая запретить коммунистическую идеологию советник Януковича Анна Герман с 1991 г. работала на «Радио Свобода», с 2002 г. — директор его киевского бюро. Там любимым шефом Герман, по её рассказам, был Роман Купчинский. Отец и другие члены семьи Романа тесно сотрудничали в своё время с нацистской СД и дивизией СС «Галичина». Другой хорошей знакомой Купчинского была дочь Льва Добрянского Пола. «Радио Свобода» при Герман и Купчинском было одним из штабов подготовки укра-

инской «оранжевой революции». Но накануне самой революции Герман перешла работать к Януковичу, став его близким помощником и пресс-секретарём.

Награждение подписавшего Беловежские соглашения президента Белоруссии С. Шушкевича Медалью Свободы Мемориального фонда жертв коммунизма. (председатель Фонда Л. Эдвардс, Р. Шушкевич, А. Коэн) 26 марта 2012 г.

После прихода два года назад Януковича к власти журналист Александр Чаленко задал вопрос о причине промедления с отменной героизации Бандеры и Шухевича. И тут же, по воле Герман, вылетел из президентского пула. Встретившись с нею в прямом эфире, журналист напомнил о её всем известной дружбе с сыном бандеровского «героя» Юрием Шухевичем и поинтересовался, не сложно ли ей находиться «в течение семи лет в бандеровском подполье «Партии регионов»? На что Герман ответствовала, что должен же кто-то представлять при президенте интересы «иной», чем Чаленко, Украины... Укоренённая в западенские круги, весьма влиятельная во власти Герман — неслабый представитель этих «иных» украинцев.

В России 2012 год официально был объявлен Годом российской истории в связи с

рядом юбилейных дат: основания русской государственности, Бородинской и Сталинградской битв. Была поставлена цель «привлечь внимание общества к российской истории и роли России в мировом историческом процессе».

Внимание, надо признать, было привлечено — однако практические результаты оказались довольно печальны.

В 2011 году термин «Великая Отечественная война», наконец, был возвращён в школьный учебник Украины, но теперь подкоп ведётся уровнем ниже. Нынче братская Белоруссия упорно не желает именовать войну 1812 года Отечественной — и влиять на это решение не удаётся!

В выпущенном к юбилею 1812 года сборнике Национального исторического архива Беларуси повествуется о «грабежах двух вою-

ющих армий», «повинностях белорусского населения в пользу российских войск» и «ущербе, нанесённом белорусским губерниям российскими войсками».

Патриотическая белорусская общественность направила и в Министерство образования, и в Национальную академию наук предложение вернуть в учебники и научную литературу термин «Отечественная война 1812 года». Но на все эти обращения были получены отрицательные ответы.

Тенденции подрыва отечественной истории очевидны не только в братских республиках, но и в регионах России.

В школьном учебнике, рекомендованном Министерством образования и науки Татарстана, война 1812 года названа «русско-французской». Председатель отделения Союза татарской молодёжи «Азатлык» Набереж-

ных Челнов Ильмир Салихов в данном в связи с юбилеем интервью поведал о том, что «из-за поражения Наполеона в России сохранилась вечная отсталость», но «приятно осознавать, что в сжигании Москвы армией Наполеона участвовали и татары».

Московские либералы поддержали тему. «Эхо» публиковало исторические побасёнки публициста Е. Понасенкова об «агрессоре Александре I, первым напавшем на Наполеона» (сравни с ложью Резуна-Суворова об агрессоре-Сталине).

На «Гранях.ру» известный своими историческими фальсификациями Борис Соколов договорился до того, что *«только российские власти могли пойти на сознательное уничтожение столь большого города. В стране фактически не было частной собственности, и даже весьма состо-*

ятельные подданные не могли ослушаться приказа уничтожить или бросить на произвол судьбы своё имущество. В Западной Европе, где право собственности было священно, ни один монарх или генерал не рискнул сжечь свою столицу». («Несостоятельность» русской истории по причине отсутствия частной собственности, «доведшей» Россию в итоге до коммунизма — старая идея Пайпса).

7 сентября на российском телеканале НТВ состоялась премьера фильма о войне 1812 года «Отечественная. Великая». В интервью его продюсер телеведущий Алексей Пивоваров провёл параллель между второй и первой Отечественными войнами, рассказав о «необоснованности» потерь русского населения и в 1812 году.

Официальная российская пресса не слыш-

ком в юбилейный год отставала от либеральной. В «Российской газете» историк Сергей Искюль рассуждал о том, что *«для Сталина действия русских полководцев, в первую очередь Михаила Илларионовича Кутузова, соответствующим образом поданные и препарированные, во время и после войны с Германией исполняли роль оправдания собственных дипломатических и военных просчётов и ошибок».*

В газете правительства Санкт-Петербурга «Петербургский дневник» Кутузов описывался как «хитрый, глубоко безнравственный человек, не стеснявшийся лгать не только жене, но и императору. Не гнушавшийся иной раз запустить руку в государственный карман», и сильно «боявшийся» Наполеона после Аустерлица.

Уже в самом заявлении российских вла-

стей о юбилейном «годе создания Русского государства» содержался скрытый самоподрыв. Дата 862 год (приход варягов Рюрика в Новгород) как «начало государственности» выбрана для размежевания с украинцами и в пику «Киеву — колыбели русской истории». Норманнская (варяжская) версия происхождения русской государственности означает её несамостоятельность, привнесённость с Запада. К тому же она несостоятельна. После опубликования в конце XIX века византийской рукописи, свидетельствующей, что князь Олег в 860 году, то есть за два года до появления на Руси Рюрика, совершил разгромный поход на Константинополь, норманнская теория стала неубедительна даже для историков-либералов. Зато версия о происхождении российской государственности из Новгорода очень любима нынешним сепарати-

стам, требующим «отделения от проклятой имперской эрэфии свободолюбивой Северной Руси»...

Одним из основных итогов Года российской истории, было заявлено властью, является создание Российского исторического общества, призванного стать основным бастионом в борьбе с фальсификациями. Этот новый бастион создан вместо вызвавшей много толков, но так ничего путного и не родившей Комиссии по фальсификации истории. Утверждается, что одной из главных задач Российского исторического общества должно стать написание нового учебника по русской истории.

Между тем, в сентябре этого года на Украине уже состоялась презентация русско-украинского учебного пособия по истории «Россия и Украина на перекрёстках исто-

рии», призванного предъявить официальную общую точку зрения России и Украины. Посвящённый СССР раздел этого учебника повествует обо всех минусах советского времени, большой пользе «Радио Свободы» и прочих «голосов» и даже трактует фильм «Семнадцать мгновений весны» как попытку «найти параллели между нацистским и коммунистическим режимами».

Составитель русско-украинского учебника с российской стороны академик Чубарьян — сопредседатель Российского исторического общества. Ясно, что если новый учебник общества будет подобен русско-украинскому, он принесёт лишь вред.

Либеральный подход российской власти к трактовке советского прошлого вступает сегодня в неразрешимый конфликт с её же заявкой на «строительство Евразии» как неко-

его варианта нового СССР.

Невозможно воссоздавать Отечество и при этом плевать в Прошлое.

Инструкция Ричарда Пайпса России, сделанная в январе 2011 года в газете «Вечерний Новосибирск», гласит: «Преодолеть тысячелетнюю историю... Процесс будет болезненным, ведь менталитет людей не изменишь так быстро...»

Наша задача — сделать так, чтобы эта инструкция никогда не осуществилась.

Ирина Кургинян

Мироустроительная война

Пантюркизм вчера и сегодня

Как только Советский Союз прекратил своё существование, националистические лидеры тюркских народов немедленно начали активную интеграцию в общетюркский мир

12 октября 2012 года президент Казахстана Нурсултан Назарбаев, выступая

на казахстанско-турецком бизнес-форуме в Стамбуле, сделал громкое заявление. Он сказал: «Между Средиземным морем и Алтаем живёт более 200 миллионов наших соплеменников. Если бы они объединились, мы стали бы большим и влиятельным в мире государством».

Уже одного этого хватило бы для сенсации. Однако Назарбаев сказал гораздо больше: «Мы живём на родине всего тюркского народа. После того как в 1861 году был убит последний казахский хан, мы были колонией Российского царства, затем Советского Союза. За 150 лет казахи едва не лишились своих национальных традиций, обычаев, языка, религии. С помощью Всевышнего мы в 1991 году провозгласили свою независимость. Ваши предки, уходя с исторической родины, из Тюркского ка-

ганата, забрали с собой название тюркского народа. До сих пор турки называют лучших джигитов «казак». Вот мы и есть эти казахи».

Эти слова сопровождались ритуальным поднятием флага Тюркского совета, созданного в октябре 2009 года по инициативе казахского лидера.

Широко известно, что президент Казахстана Нурсултан Назарбаев — инициатор и один из ключевых участников евразийского политико-экономического строительства на пространстве СНГ. Проект евразийской интеграции был выдвинут Назарбаевым ещё в 1994 году. И с тех пор казахский лидер настойчиво разрабатывал свою доктрину, подчёркивая, что евразийская интеграция должна обладать таким единством и целостностью, которые бы не подавляли и не ассими-

лировали уникальность народов.

Многие в нашей стране относятся к теме евразийства более чем сдержанно. Хотя бы потому, что в современной России евразийство выразительно представлено апологом нацистского рейха Александром Дугиным и бывшим чеченским полевым командиром с радикально-националистическим настроем Хож-Ахметом Нухаевым. Кроме того, исторически евразийство для России увязывается ещё и с карательными походами барона Унгерна, а не с одними только трудами философа Н.С. Трубецкого.

Тем не менее, всегда считалось, что в Казахстане развивается евразийская идея именно обобщённо-интеграционного характера, без крайностей. Что евразийское строительство мыслится как широкое международное сотрудничество с участием всех истори-

чески присутствующих «на просторах Евразии» этносов, и не в последнюю очередь, разумеется, русского. Пантюркистское наполнение скрыто содержится в евразийской идее, но оно не выдвигалось на первый план как основное — и отчётливо антироссийское. Теперь же пантюркистская тема прозвучала в выступлении Назарбаева как совершенно самозначимая.

А ведь пантюркизм имеет свои собственные мироустроительные задачи, которые последовательно вырабатывались его идеологами и внедрялись политиками. И если за последние годы это почему-то подзабылось, то сейчас самое время об этом вспомнить.

В 1923 году вышла книга турецкого основоположника пантюркизма Зии Гек Альпа «Основы тюркизма», которая представляла геополитические планы пантюркизма в виде

трёх последовательных ступеней.

Первая ступень — установление тюркизма в самой Турции. На этой ступени утверждения идеологии пантюркизма предполагалось ограничение влияния религии на общество и власть (прежде всего, конечно, речь идёт об исламской религии). Автором был выдвинут лозунг «от Мекки к Алтаю» (поскольку именно Алтай считается мифической прародиной тюркского суперэтноса). Сходная мысль содержится в известной формулировке «Коран для Турана».

Вторая ступень развития всемирного пантюркизма подразумевала в качестве программы-минимум так называемый огузианизм. Эта ступень предполагала объединение трёх стран, населённых «потомками Огуза», легендарного родоначальника тюркских племён. Зия Гек Альп поднимал под

таким объединением единство Турции и двух Азербайджанов — северного и южного.

Великий Туран

Третья ступень строительства тюркского мира содержала программу-максимум, а

именно включение всех тюркских народов — то есть турок, татар, башкир, алтайцев, тюркских народов Северного Кавказа и Закавказья, тюркских народов Средней Азии (узбеков, киргизов, казахов, туркмен и других), а также народов Восточного Туркестана (прежде всего уйгур) — в общее туранское федеративное государство.

Но и это не предел. Например, список стран известного пантураниста начала XX века Ахмета Агаева ещё шире. Он включает в себя Балканы, Малую Азию, Крым, Кавказ, Дагестан, Астрахань, Поволжье, Казань, Уфу, Оренбург, Сибирь, Монголию, китайский и русский Туркестан, а также Бухару, Хиву, Хорасан, южный берег Каспия и, конечно, два Азербайджана.

Чтобы реализовать объединение по такому списку, нужно обрушить политическое

устройство уже не только в Северной или Восточной Евразии, но и на Западе и Среднем Востоке. И тут, конечно, без череды затяжных войн не обошлось бы. И, как всегда при обсуждении такого рода проектов, возникает вопрос: будет ли в случае хотя бы частичного обрушения нынешнего мироустройства в Евразии выстраиваться именно то, что заявлено? Или, что вероятнее, это только путь к дальнейшим разрушениям и превращениям? Для России это, как говорится, из огня да в полымя...

Вот пример, хорошо известный российскому обществу. В начале 90-х годов дудаевский чеченский сепаратизм поднял знамя, на котором был изображён волк — легендарный священный для древнетюркских народов символ. Именно под этим символом шли первые вооружённые выступления сепаратистов

в Чечено-Ингушетии, тогда заботливо поддержанные турецкими инструкторами. Однако по мере того как боевые действия затягивались и становились всё более ожесточёнными, влияние в сепаратистских формированиях завоёвывали сначала чеченские сторонники шариата, а потом и просто иностранные ваххабитские эмиссары. А древний тотемный волк (по-чеченски — «борз») так же плохо совмещается с ваххабизмом, как чеченская независимость с всемирным халифатом. И что осталось в этом случае от заигрываний с пантюркизмом?

Добавим к этому, что в Турции, которая является естественным оплотом для всех пантюркистов, в последние десятилетия всё более расшатывается светская основа государства, заложенная Мустафой Кемалем в 1920-е годы, и всё больший вес приобретают

партии, имеющие религиозную (исламскую) платформу. Поэтому та политическая основа, на которую стремится сейчас опереться президент Казахстана, становится всё более шаткой. Так что, видимо, и тревожному ощущению этой шаткости нужно приписать резкость высказывания казахского лидера.

Однако вернёмся ещё раз к истории пантюркизма, которая началась гораздо раньше выступлений турецких идеологов в начале XX века.

Интересно, что пантюркизм как идеология впервые начал зарождаться в среде крымских татар. Считается, что первым выдвинул идею объединения всех тюркских народов крымско-татарский общественный деятель Исмаил Гаспринский в конце XIX века. Призывы Исмаила Гаспринского уже тогда с воодушевлением воспринимались крымско-

татарскими, волжско-татарскими и азербайджанскими националистами.

Трудно усомниться в том, что этот пантюркистский идейный задел крымских татар сыграл свою роль в союзе крымско-татарского ультранационализма с немецким фашизмом. Как тут не вспомнить трагическую историю Крыма сороковых, когда тысячи мобилизованных крымских татар переходили на сторону гитлеровцев. И как не вспомнить ту особую жестокость, с которой эта ультранационалистическая часть крымских татар расправлялась с партизанами и пленными советскими солдатами. Причём самые жестокие расправы ждали именно партизан татарской национальности.

Ещё более страшное свидетельство приводит в своей статье «Кавказская пленница» известный деятель русской эмиграции

Мария Розанова. Она цитирует российского историка-меньшевика Бориса Николаевского, которого трудно заподозрить в излишних симпатиях к советской власти. Он утверждает: *«Во время оккупации Крыма гражданская власть в нём принадлежала румынскому командованию, при котором был образован особый татарский совет. <...> Этот совет обратился к румынским властям с просьбой разрешить им уничтожить всех русских, проживающих на территории Крыма. <...> Румынское командование <...> ответило отказом, но когда татары приступили к проведению в жизнь этого плана своими собственными силами, то сопротивления со стороны румын они почти не встречали. Резня была проведена организованно, продолжалась несколько дней; выре-*

зано было, по одним сведениям, около 70 тысяч, по другим — свыше 100 тысяч». И что, по этому поводу раскручиваются такие кампании, как вокруг Катыни? Кто-нибудь встаёт на колени и плачет?

Скажут: ужас, но дело понятное, это же фашизм Второй мировой... А что теперь?

Как только Советский Союз прекратил своё существование, националистические лидеры тюркских народов немедленно начали активную интеграцию в общетюркский мир. Конечно, в отсутствие прежних советских государственных скреп эти народы трудно упрекнуть в том, что они, ощущая опасную неопределённость своего положения, ищут опору в органичном для себя суперэтническом или даже племенном родстве. Но вопрос тут именно в радикальности этого общетюркского самоопределения.

В Азербайджане, например, в первые же постсоветские годы побывал Альпарслан Тюркеш, в 40-х — доверенное лицо гестапо в Турции, лидер неонацистской пантюркистской «Партии национального действия» и её боевого подразделения «Серые волки» («бозгурд»). Сразу после этого, в июне 1992 года, благословлённый Тюркешем Народный фронт Азербайджана пришёл к власти, а пост министра внутренних дел занимал глава азербайджанских «Серых волков» Искандер Гамидов. Уже тогда его выступление на восстановительном съезде азербайджанской пантюркистской партии «Мусават» показало, что современный пантюркизм и конкретно «серые волки» отнюдь не отказываются от своих мироустроительных планов. Гамидов заявил, что для создания общетюркского государства «Великий Туран» необходимо

заняться не только Южным Азербайджаном, но и Китаем, Индией и Сибирью.

Тогдашний постсоветский азербайджанский силовик показал себя верным последователем Тюркеша, которому принадлежит высказывание в том же ключе: *«Действуй, о турок! Нет у нас больше Румелии, Венгрии, Сирии, Ирака, Палестины, Египта, Алжира, Крыма и Кавказа. Действуй, как серый волк, пусть возродятся былые времена».*

Вот в какую компанию рискует попасть Казахстан, никогда не проявлявший ранее избыточного экспансионизма.

Но Азербайджан — это не единственный случай быстрого строительства связей с «Серыми волками».

К примеру, тюркское самоопределение крымских татар тоже ведёт на практике к

тесным контактам с турецкими «Серыми волками». А предметом этих контактов оказывается, естественно, выработка общей политики в отношении России. Вот, скажем, приезжает в октябре 2009 года к руководству крымских татар авторитетный член турецких «Серых волков» Юсуф Зия Арпаджик. И говорит об опасности нападения России на Крым буквально следующее: «Здесь наши братья — крымские татары, и если Россия всё же решит пойти войной на Крым, она ощутит сопротивление всего тюркского мира. Относительно любой политики России у нас продуманы адекватные меры, но я всё же склонен полагать, что она не пойдёт на это... России лучше забыть о своих имперских притязаниях на этот удивительный полуостров».

Интересно, высказываются ли «Серые волки» в таком же ключе про восстановление

ние халифата? Халифатистские притязания тоже ощутят тюркское сопротивление? Или это только про Россию так можно?

Неужели эта нетерпимая к иноэтническим общностям сторона пантюркистской идеологии и политики неизвестна в Казахстане, где уделяют такое бережное внимание тюркской истории? Трудно себе это представить.

И всё-таки что-то заставило настолько взрослого и опытного политика, каким является лидер Казахстана, перейти от мягкой формы евразийского интеграционизма к более радикальной риторике. Что же? Какая угроза потребовала поиска поддержки в таком начинённом экстремизмом идеологическом поле, каким является тюркизм в его крайних вариантах? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо говорить, прежде всего, об общей для стран Центральной Азии угро-

зе исламистского пожара, ещё усиленной процессами на Ближнем Востоке. Об этом и пойдёт речь в следующий раз.

Мария Подкопаева

Концептуальная война

«Столковенние цивилизаций» против «Конца истории»

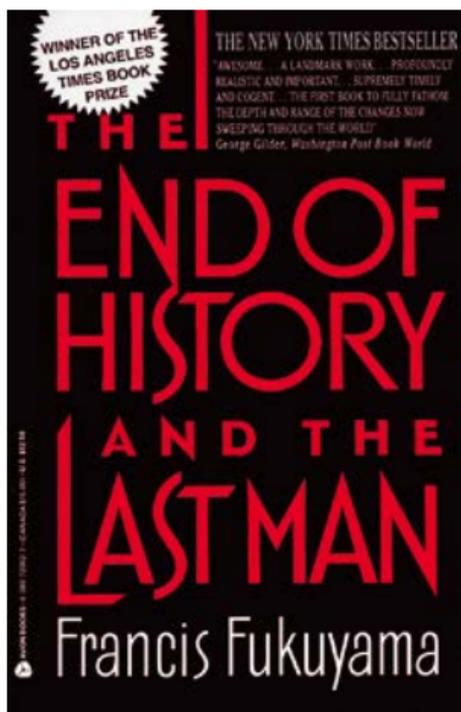
Структурное подобие концептуальных вбросов о «конце истории» и «столковении цивилизаций» слишком демонстративно, чтобы быть случайным

Мы начали обсуждение концептуальных войн со статьи Фрэнсиса Фукуямы «Конец истории?». В этой статье Фукуяма вводит два основных признака конца истории. Первый — окончательная победа либерализма (а значит, приобретение либерализмом универсального характера). Второй... Впрочем, дадим слово самому Фукуяме: «... Япония, ... следуя по стопам Соединённых Штатов, пришла к истинно универсальной культуре потребления — этому и символу, и фундаменту общечеловеческого государства».

Итак, второй признак — универсальная культура потребления. То есть, формула Фукуямы фактически выглядит так: **ЛИБЕРАЛИЗМ + ПОТРЕБЛЯТСТВО = КОНЕЦ ИСТОРИИ.**

Возникает вопрос: появилась ли эта фор-

мула как реакция на смерть коммунизма и распад СССР (сценарий №1)? Или же эта формула была задействована как орудие убийства коммунизма и распада СССР (сценарий №2)?

«Конец истории и последний человек»,
Ф. Фукуяма

Либералы хотят нам навязать представление о том, что состоялся сценарий №1. Мол, сами собой почили в бозе коммунистические идеалы, не выдержавшие столкновения с реальностью. Следом за их смертью умер СССР. А уж тогда и возникли предпосылки для возникновения постисторического здания, которое опирается на универсальный победивший либерализм и универсальную культуру потребления.

Но мы-то понимаем, что всё происходило совсем по-другому. Что эта формула — *ЛИБЕРАЛИЗМ + ПОТРЕБЛЯТСТВО* — агрессивно навязывалась советскому обществу. Причём настолько агрессивно, как нигде и никогда в мире. Что эта агрессия (то есть полноценная концептуальная война), не получив отпора, вызвала соответствующий сокрушительный результат. И вот тогда агрес-

сор и провозгласил, что его оружие — вовсе не оружие, а объективный плод развития всемирного разума.

Ведь что такое «демократические рыночные реформы» Горбачёва–Ельцина? Это агрессивный либерализм плюс ещё более агрессивное потреблятельство.

Что бросило нашу страну в трясину деградации и регресса? Эти реформы.

Когда было провозглашено начало «конца истории» — то есть перехода всего мира на рельсы либерализма и потреблятельства? После того, как мы стали погружаться в эту самую трясину регресса!

Так что не надо выдавать агрессивную концептуальную войну, порождающую определённое состояние человечества, за логику объективного развития этого человечества. Так ведь можно попытаться называть чело-

века, которому проломили голову монтировкой, «жертвой прогрессирующего старческого склероза»... Показываешь раздробленные черепные кости. Но их отказываются видеть и кричат, что у старости есть свои законы и свой смертный конец. А всех, кто говорит о монтировке, называют сторонниками теории заговора.

Идём дальше. Начнём рассмотрение другого, нефукуямовского, концептуального оружия. Являющегося, как и откровения Фукуямы, вовсе не исследованием на тему «куда идёт мир», а средством для приведения мира в нужное «концептуалистам» состояние. Я имею в виду Сэмюэля Хантингтона, этого главного оппонента Фукуямы.

Многих в мире привело в восхищение одно то, что у Фукуямы возник хоть какой-то оппонент. Кроме того, он оказался «полезным»

в американской двухпартийной политике: в каком-то смысле, действительно, концептуальное оружие «имени Фукуямы» используется для реализации либерального проекта мироустройства, и потому к Фукуяме чаще апеллируют американские демократы. А концептуальное оружие «имени Хантингтона» используется для реализации консервативного проекта мироустройства, и потому к Хантингтону чаще обращаются американские республиканцы.

Но... не будем торопиться всё разложить только по этим политическим полочкам. И давайте разберёмся с тем, как именно Хантингтон и его последователи оппонируют Фукуяме и его последователям.

Возмущаясь наглостью заявления Фукуямы о конце истории, сторонники Хантингтона восклицают: «Как это история завершается?»

А как же экспансия на чужие рынки и природные ресурсы, а как же бюджетные деньги, выделяемые на вооружения, с помощью которых мы только и можем вести такую экспансию? Этому тоже конец? Нет уж! Надо срочно объяснить и оправдать вечность конфликтов!»

При этом сторонникам Хантингтона (а точнее, силам, имеющим соответствующие аппетиты и интересы) нужны не абы какие конфликты, а конфликты острые и масштабные. Иначе не мобилизуешь своё общество, погружённое в сладкую кому потребительства, не получишь санкций на гонку вооружений и т.д.

Итак, нужен большой настоящий Враг. И нужна мобилизация общества на уничтожение такого врага. А значит, нужен конфликт соответствующего формата. Причём

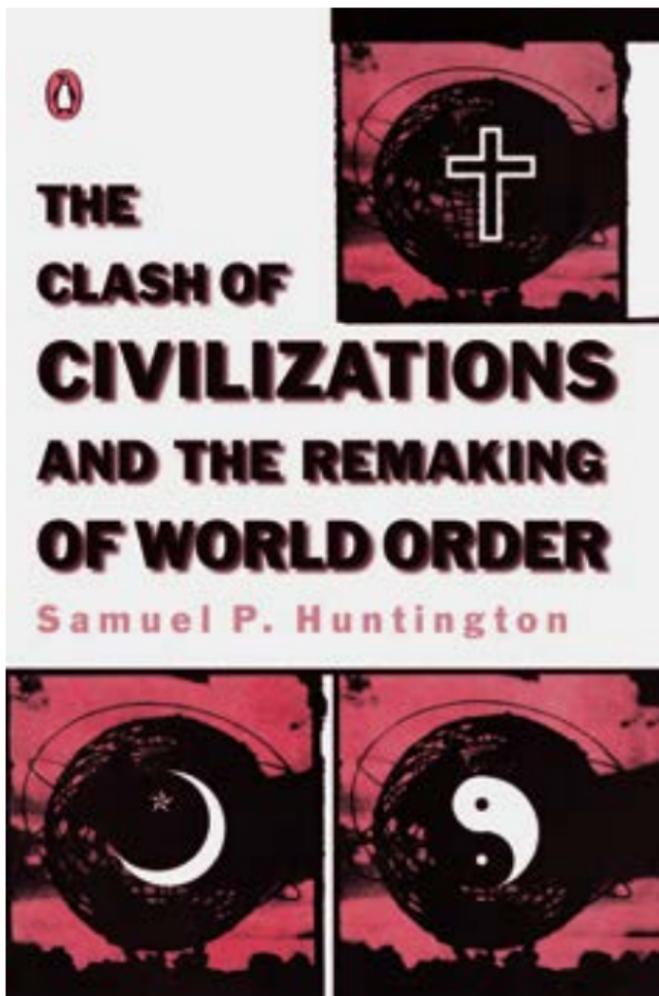
конфликт долгоиграющий. Сначала запрос на этот конфликт — потом поиск концепта, доказывающего неизбежность такого конфликта, — потом организация конфликта.

Последовательность была именно такова. Сэмюэль Хантингтон работал себе спокойно, развивая идеи предшественников по тематике истории цивилизаций... Но наступил момент, когда эти его идеи оказались востребованы в виде нового концептуального оружия. И именно тогда заурядный профессор превратился в прославляемого супермудреца, гуру современного человечества.

Первый вброс концепта произошёл летом 1993 г. Через четыре года после «Конец истории?» Фукуямы и тоже с вопросительным знаком в заглавии, в очень статусном американском журнале *Foreign Affairs* выходит статья Сэмюэля Хантингтона *The*

Clash of Civilizations? («Столкновение цивилизаций?»). Которая сразу начинает оживлённо обсуждаться во всём мире. И опять-таки, как и статья Фукуямы, через полгода выходит в переводе в России. Точно так же, как Фукуяма, Хантингтон вскоре развивает скромную статью в объёмную книгу, где в заглавии The Clash of Civilizations and Remaking of the World Order («Столкновение цивилизаций и преобразование мирового порядка») вопросительного знака уже нет.

Согласитесь, структурное подобие концептуальных вбросов о «конце истории» и «столкновении цивилизаций» слишком уж демонстративно, чтобы быть случайным. Скромная статья с вопросительным знаком в заглавии... раскрутка... увесистая шестисот-страничная книга уже без вопросительного знака, но с множеством восклицательных...

«Столкновение цивилизаций и
преобразование мирового порядка»,
С. Хантингтон

А потому возникает осторожная гипотеза — не из одного ли и того же «концептуального штаба» исходят столь полярные, но, одновременно, похожие «продукты»? И не слишком ли упрощены модели, которые приписывают эти «продукты» американским политическим штабам либералов из Демократической партии (Фукуяма) и консерваторов из Республиканской партии (Хантингтон)?

Хантингтон, между тем, поведал, обстоятельно ссылаясь на предшественников — от Макса Вебера, Освальда Шпенглера и Питирима Сорокина до Арнольда Тойнби, Фернана Броделя и Иммануила Валлерстайна — о том, что мир всегда был разделён на части (конгломераты стран, иногда отдельные страны, как Япония), которые возникают, живут и угасают на основе своей религиозно-культурной особенности, и которые называются

цивилизациями.

Далее он поведал, что долгая эпоха безусловного доминирования Западной цивилизации завершается, поскольку другие цивилизации (Исламская, Индуистская, Синская-конфуцианская, Японская, Латиноамериканская, Православная, Буддистская, Африканская) быстро наращивают свои доли в совокупных глобальных ресурсах (территория, население, валовый производимый продукт, военная мощь и т.д.). И что эти цивилизации по мере своей технологической модернизации индигенизируются (букв. «отуземливаются»). То есть отказываются от копирования западной культуры и западных ценностей (вестернизации), а также проводят последовательную «десекуляризацию», то есть наращивание роли религии в социальном, культурном и даже государственном регули-

ровании. И далее — развиваются на базе собственной культуры и ценностей, принципиально отличных от западных (и, более того, всё активнее подчёркивающих эти отличия). И в результате оказываются готовы вступать с западными ценностями во всё более острый конфликт.

А значит, по Хантингтону, история во все не кончилась: *«Уже не являясь просто объектами создаваемой Западом истории, незападные сообщества быстро становились движущимися силами и создателями как своей собственной, так и западной истории»*. И далее (со ссылкой на Шпенглера): *«Каждая цивилизация видит себя центром мира и пишет свою историю как центральный сюжет истории человечества»*.

А значит, по Хантингтону, нам предстоит

продолжение истории как множества столкновений всё более мощных и амбициозных конфликтующих цивилизаций. Хотя в конце Хантингтон вдруг «пришивает» к своему опусу наивно-оптимистический хвост: мол, с завершением своей модернизации незападные цивилизации успокоятся, и будет благостный полицивилизационный (многополярный и многокультурный) мир.

Отметим, что «раскрутка» концепта «столкновения цивилизаций» Хантингтона в момент его появления была слабее, чем «конца истории» Фукуямы. Хотя Хантингтон и его сторонники имели все основания ссылаться в качестве подтверждения своего концепта, например, на войну в Югославии, где было отчётливое противостояние между православными сербами, католиками хорватами и босняками-мусульманами, — время

Хантингтона тогда ещё не пришло.

Первой, «антиисторической», команде «концептуалистов» нужно было последовательно поедать (либерализовать, приучать к «универсальной культуре потребления» и отучать «дёргаться») свои постсоветские приобретения от Польши до Болгарии и от России до Грузии и Киргизии.

А одновременно второй, «конфликтно-цивилизаторской» команде «концептуалистов» требовалось время для того, чтобы приучать к той же западной культуре потребления — но вприглядку, через телеэкран, чтобы особенно обидно было (то есть активизировать, злить и разогревать) — будущего Большого Врага.

Однако на рубеже XXI века стало ясно, что общество Запада — и в Америке, и в Европе — без понятного и грозного Антизападного

Врага начинает затекать жиром и засыпать. И что даже беспрецедентно агрессивно «раскрученная» СМИ война НАТО с Сербией за Косово — его, по большому счёту, разбудить не может: конечно, ужас-ужас, но это ведь всего-навсего крохотное пятнышко на карте, которое и найти-то непросто.

Ну, вбомбили Сербию в средневековье, как обещал президент Клинтон, да и то не до конца — пожалели... А дальше опять нет врага, и всё почти хорошо. С экономикой, правда, вовсе даже не хорошо: кризис, безработица, сокращение доходов, «пахать» приходится всё больше. Но раз Врага нет — западное общество отказывается понимать, для чего «пахать» изо всех сил — и платить налоги на гонку вооружений. «Советского супостата» уже нет, до Китая далеко, да и слаб он против Запада — какие тогда враги, и зачем столько

оружия и НАТО?

Вот тогда-то, в сентябре 2001 г., и происходит теракт Nine Eleven в Нью-Йорке и Вашингтоне. И возникает, как чёртик из табакерки, новый Большой Враг — радикальный террористический ислам. Который чуть ли не везде — даже в самом сердце Америки, — и против которого президент США Джордж Буш-младший тут же объявил крестовый поход. Тогда и наступает время Хантингтона с его «столкновением цивилизаций».

И с этого момента опять-таки концептуальная война под флагом «конфликта цивилизаций» резко переходит в войну за реальное переустройство мира. Ведь именно ради такого переустройства и создавался концепт. И потому-то он является оружием, а не отражением объективной реальности.

Сейчас уже слишком много данных, сви-

детельствующим о том, что атака на Всемирный торговый центр была срежиссирована очень мощными силами, не только использовавшими, но в действительности взрастившими радикальный исламизм Бен Ладена и его сподвижников. А мы с близкого расстояния наблюдали, как — ещё до атаки в Нью-Йорке и Вашингтоне — нарастала «раскрутка» Хантингтона. Как его привозили в Москву. Как американцы, занимавшие крайне высокое политическое положение, водили Хантингтона за ручку, представляли его всем и нам в том числе. И представляя, предупреждали: «Запомните, очень скоро мир будет жить по той концептуальной прописи, которая изложена этим выдающимся американским мыслителем».

После 2001 года тему войны цивилизаций вводили в дискуссии участники едва ли не

всех международных семинаров, в которых участвовал наш Центр. Чуть не каждый международный или внутривосточный конфликт обсуждался через призму этой «войны». Тем более что подтверждения телевизор преподносил каждый день: в виде войн США и НАТО в Афганистане и Ираке, охоты на «Аль-Каеду» и т.д.

Конечно, концепт Хантингтона всё это время обоснованно критиковали, в том числе серьёзные западные исследователи. Однако возражения почти полностью глушил барабанный бой воинствующего «цивилизационизма».

О каких же возражениях идёт речь? Об этом — в следующей статье.

Юрий Бялый

Война идей

Чёрная конвергенция

Взаимопроникновение дегуманизированной буржуазности и интернационализованного элитного нацизма сформировало новый Запад. И решающим образом повлияло на распад СССР

*22 октября 2012 года в «Новой газете»
была опубликована развёрнутая статья*

Владимира Пастухова «Страна на грани нервного срыва», снабжённая подзаголовком «Россия, похоже, уже отказалась от европейского выбора».

Обсуждая отказ России от европейского выбора, Владимир Пастухов логически выводит из этого отказа неизбежность фашизации России.

Кто такой Владимир Пастухов? «Новой газетой» он отрекомендован как доктор политических наук и профессор Колледжа Святого Антония, входящего в Оксфордский университет. А вот данные, которые сам Пастухов считает нужным обнародовать.

Пастухов родился 22 апреля 1963 года в Киеве в семье юристов. *«Ещё до школы я знал, что буду адвокатом, — утверждает Пастухов. — Однако довольно рано у меня обнаружилась склонность к*

теоретизированию, которую позже стали называть философским складом ума. Компромиссом между семейной традицией и внутренним призванием стала кафедра теории государства и права Киевского университета. . . На втором курсе я сделал первый научный доклад, посвящённый теоретическим проблемам политической власти, что предопределило всю мою последующую политическую судьбу».

Склонность к теоретизированию, философский склад ума, юридическое образование, защита докторской по политическим наукам (и кандидатской по юриспруденции) — всё это исключает незнание автором основных принципов, лежащих в основе любого полноценного логического рассуждения.

«Россия отказывается от некоего X, именуемого европейским выбором. . .» Что логиче-

ски можно из этого извлечь? Максимум — другой выбор России. То есть некий Y. С логической точки зрения даже это не является обязательным. Ибо Россия может отказаться от выбора X и никакого другого выбора не делать. Но предположим, что отказавшись от X, Россия выбирает Y. Для того, чтобы сказать только на основе отказа России от X, что она выбирает фашизм (или проявляет крайнюю склонность к тому, чтобы сделать такой выбор), нужно доказать справедливость утверждения «всё, что не есть X, есть фашизм». Так ведь? В самом деле, только доказав справедливость такого утверждения, можно продлить логическую цепочку: «Поскольку любой выбор, кроме выбора X, — фашистский, а от выбора X Россия отказывается, то она выбирает фашизм».

Наверное, В. Пастухов проявлял в дет-

стве склонность к теоретизированию. Наверное, ему хотелось стать политическим философом. Но, видимо, с годами и душа, и мозг впитали либеральную мировоззренческую прану настолько, что исчезла разница между мышлением и идеологической проповедью. В противном случае придётся признать, что В. Пастухов сознательно упаковывает идеологическую проповедь в оболочку философско-политического эссе. Однако по ряду почти неуловимых, но для меня убедительных признаков гипотеза эта всего лишь вполне правдоподобна, но не более того. Стиль мышления нашего либерала, прошедшего глубокую индоктринацию Западом, знаком с давних пор. Такому либералу не надо надевать философско-политическую личину, скрывая за ней свою пропагандистскую суть. Ибо в его голове стёрта начисто сама разли-

ца между политической философией и пропагандой — настолько, что человек искренне верит в свою философичность и при этом занимается чистейшей воды пропагандой, совершенно не замечая этого.

Что должен был бы сделать политический философ, если бы он действительно был таковым всерьёз? Он должен был бы выдвинуть гипотезу (пусть неудобную, противоречащую собственным ценностям), эту гипотезу тщательно разобрать, доказать, что она неверна, и двигаться дальше. И только в этом случае это будет честный политический анализ, а не пропаганда.

Какова эта неудобная для Пастухова гипотеза? Она такова: «Х, он же «европейский выбор», — это и есть фашизм».

Если гипотеза верна, то отказ России от Х — это, как минимум, отказ от фашистского

выбора. А возможно, и антифашистский выбор. Впрочем, последнее никоим образом не обязательно: повторяю, отказавшись от некоего выбора, в том числе и фашистского, можно или сделать другой выбор, или не сделать никакого выбора вообще.

Может ли Пастухов доказать, что «европейский выбор», который назван «выбором X», не является фашистским? Сомнительно.

Прежде всего, Пастухов должен согласиться с необходимостью рассмотреть разные гипотезы по поводу содержания нынешнего европейского выбора. Но он не может на это согласиться, поскольку внутренне является пропагандистом этого выбора.

Для Пастухова (да и для «Новой газеты», на страницах которой он выступает) неприемлемы никакие сомнения по поводу безальтернативной благостности европейского выбора.

Для Пастухова, во-первых, этот выбор безусловно благ во всём, благ абсолютно и безраздельно.

Для Пастухова, во-вторых, любой другой выбор абсолютно скверен и полностью лишён какого-либо благого начала.

Это и называется «квазирелигиозный либеральный фанатизм». Логика его адепта — либерального фанатика элементарна: «Вы отказываетесь от единственного безраздельно и абсолютно благого либерального выбора. Поскольку это именно единственный безраздельно и абсолютно благой выбор, то вы отказываетесь от блага вообще. Отказываясь от блага, вы присягаете злу. Зло — это фашизм. Вижу, как вы от блага отказываетесь. Воистину вижу, что порождает этот отказ. Чую скверну. Зову преподобного Инквизитора».

А теперь сами вкратце разберём аргумен-

ты в пользу того, что западный выбор образца 2012 года — это именно фашизм.

Начнём с ювенальной юстиции. Запад осуществляет эту самую юстицию в неслыханных масштабах, прекрасно понимая, каковы последствия. Недавно я беседовала с одним из участников группы «Аквариум», ныне живущим в США и никоим образом не бедствующим. Он рассказывал мне про то, что именно с ним и его семьёй произошло. И именовал при этом западный выбор — изощрённо фашистским. *«Это оскалившаяся гиена, которая постоянно за вами охотится»*, — говорил он.

Но может быть, мы имеем дело с предвзятостью творческого человека? Чтобы проверить, так это или нет, нужно перейти с языка образов на язык цифр. И убедиться, что в европейских странах за десятилетия исполь-

зования ювенальной юстиции изуродованы, растоптаны многие миллионы человеческих жизней и судеб. Холодная аналитика, лишённая всякой драматической образности, говорит об одном — ювенальная юстиция охотится на человека как такового. Она нацелена на тотальное уничтожение тех механизмов вочеловечивания, альтернативы которым не существует. Механизмы эти — семья и школа.

Если семья и школа не могут формировать ценности и запреты (пресловутые табу), человек в принципе невозможен. Нет человека, если в нём не сформированы ценности и запреты. Существо без ценностей и запретов не может быть глубоко укоренено в социуме и культуре. Оно может быть только слегка пристёгнуто и к тому, и к другому. И что же? Те, кто это делает, забыли любимую фразу нацистов «Когда я слышу слово «культура»,

я хватаюсь за пистолет»? Ведь не культурофобией самой по себе была продиктована эта фраза, а глубочайшей индоктринацией проносящих эту фразу в фашизм. Ибо именно фашизм заявил о том, что культура отделяет человека от природы. А отделяя, оказывает на человека губительное влияние.

Отсюда — главные задачи подлинного фашизма:

Вернуть человеку глубочайшую укоренённость в природное начало. Избавить его от стыда за причастность этому началу. Сделать его не больным, а здоровым зверем (зверем он всё равно по определению является). Начать дрессировку зверя, превратив его в бестию. И всем этим спасти мир от вырождения.

Итак, ювенальная юстиция — это всё тот же фашизм, но, конечно, уже не жёсткий, а мягкий. Эффективность мягкого фашиз-

ма, его преимущества перед фашизмом жёстким... Об этом неофашисты говорили с 1946 года. Об этом и о многом другом. Например, о необходимости перевести фашистскую идеологию с национальных и даже расовых рельс на рельсы теории элит. Кстати, подобный перевод готовился фашистами ещё в период Третьего рейха. Эсэсовские закрытые структуры, сгруппировавшиеся вокруг так называемого Чёрного ордена и выбравшие себе в качестве главного символа не свастику, а Чёрное солнце, по сути, занимались именно этим.

В 1945-м они сделали с национал-социализмом то же самое, что делают строители с лесами после того, как заканчивают отделку здания. С этого момента расовыми или националистическими глупостями занимались только экстремистские полудурки. Сам же неонацистский пол-

ноценный чёрный субъект сменил облик полностью — под аплодисменты буржуазии, отказавшейся от гуманистических химер эпохи Великой французской революции.

«Я уничтожу это», — сказал герой Тома-са Манна. И объяснил своему собеседнику, что именно — максимально жёстко и ёмко сказав, что уничтожению подлежит не абы что, а Девятая симфония Бетховена. Возникает главный вопрос — что такое буржуазный проект за вычетом Девятой симфонии Бетховена? И разве так уж трудно, осуществив такое вычитание, соединить дегуманизированный буржуазный проект с нацистским проектом, очищенным и от «национал», и от «социализма»?

Именно на основе подобной чёрной конвергенции и сформировалась идеология нового Запада. Владимир Пастухов говорит, что

отказ от западного выбора — это фашизм. А если сам этот западный выбор — эсэсовский, рафинировано-фашистский, основанный на расчеловечивании? Почему тогда отказ от такого выбора — это фашизм? И где доказательства, что речь не идёт именно об этом выборе? Приверженность ювенальной юстиции, напротив, доказывает, что речь идёт именно об этом.

И ведь не только подобная приверженность свидетельствует в пользу выдвигаемой мною гипотезы.

Что такое альянс Запада с радикальным исламизмом вообще и «Аль-Каидой» в частности? Читатель, я надеюсь, знаком с материалами, показывающими, что именно творится в Ливии (они есть в интернете). Нацистские «художества» меркнут. Пытавшие и убивавшие детей — не люди, но ведь они там не са-

ми по себе действуют. Именно их Запад называет борцами за свободу. И — под разговоры о необходимости «закончить гражданскую войну» и ввести страну в круг «цивилизованных», посыпает Бани-Валид фосфорными бомбами и обеднённым ураном. И пытается скрыть следы этих преступлений. И — рассуждает о том, что несогласные с западным выбором присягают фашизму... А само чему присягнул? И с каких пор? Между прочим, вопрос не риторический.

Румынские железногвардейцы, сдиравшие кожу с детей, — военные преступники, садисты, от которых пытались спасти население даже немецкие и итальянские фашисты, — оказываются в особо привилегированном положении при президенте США Р. Никсоне. И ведь не только при этом президенте. Никсон не знал, кто такие Виорел Трифа

и Никколо Малакса? Всё он прекрасно знал. И американские спецслужбы знали. Но им «это» уже было нужно. И нужно это им было в рамках осуществлявшейся чёрной конвергенции.

История чёрной конвергенции ещё не написана. Но «Экспериментальный творческий центр», в котором я работаю, занимается этим много лет. И не он один. А потому мы знаем, что данная история отнюдь не сводится к деятельности антикоммунистических экстремистских маргинальных организаций. Что взаимопроникновение дегуманизированной буржуазности и интернационализованного элитного нацизма сформировало новый Запад. Что именно это взаимопроникновение решающим образом повлияло на распад СССР.

Покровитель румынских садистов Никсон

был особо близок к генсеку КПСС Брежневу? Надо разбираться в генезисе этой близости. Генсек КПСС Горбачёв зачем-то принимал не главу США Рейгана, с которым обязан был вести диалог, а отпетого неофашиста Муна, никаким государством не руководившего и «всего лишь» возглавлявшего ВАКЛ — международное антикоммунистическое движение? Надо разбираться, зачем Горбачёв допускал такие явно не случайные «нарушения протокола».

Горбачёв и Мун. Москва, 1990 г.

Ювенальная юстиция и стратегическое партнёрство Запада с исступлённо-радикальным исламизмом — это ещё не всё. Налицо явная тенденция к воинствующей дехристианизации Запада. Господин Пастухов профессорствует в колледже Святого Антония и при этом не видит, какими темпами идёт дехристианизация, насколько воинствующий характер она имеет? Нужно быть слепым, чтобы этого не видеть. Скандальное движение Femen (см. раздел «Культурная война» в этом же номере) — это одна из ласточек дехристианизации. Вот вам уже несколько нацистских слагаемых: Запад без семьи, без учительства, то есть Запад расчеловечивания, то есть Запад превращения человека в зверька, Запад, освобождённый от Девятой симфонии, Запад, сращённый с исламизмом, Запад, освобождённый от идеи

прогресса, Запад дехристианизированный... Что это всё за Запад? И почему Россию, отказывающуюся от поглощения этим Западом, надо считать фашистской? Вот если бы она была поглощена этим Западом — тогда да, Четвёртый рейх мог бы праздновать окончательную победу.

Мария Мамиконян

Диффузные
сепаратистские
войны

Регионализация как глобально узнаваемый бренд?

Национальное или народное единство — вот что подвергается атаке

Количество людей, живущих на территории государства, конечно, существенно. Но ничуть не менее, а возможно и более существенно то, насколько сплочены или разобщены люди, живущие на этой территории. Если разобщённость между ними почему-либо вдруг окажется страшно велика, то они превратятся в податливую массу, не спо-

Регион. как глоб. узнаваемый бренд? 277

собную не только что-либо отстаивать, но и совместно проживать на территории. Противник, ведущий диффузные сепаратистские войны атакует именно эту сплочённость. Национальное или народное единство — вот что подвергается атаке. Установив, ЧТО атакуется, рассмотрим то, КАК именно это делается.

Оговорим, что Российская Федерация, как и бывший СССР, — очень сложно построенное государство, соответственно, диффузно-сепаратистская атака в нашем случае просто неизбежна. И начнём исследовать динамику конкретных процессов.

15 октября 2012 года премьер-министр Великобритании Д.Кэмерон и первый министр Шотландии А.Салмонд подписали соглашение о проведении в 2014 году референдума о независимости Шотландии.

На следующий день, 16 октября, Европейский совет по толерантности и примирению (ЕСТП) презентовал проект Типового национального закона о развитии толерантности, который предусматривает (в случае его одобрения) принятие в странах ЕС законов, значительно расширяющих законодательные права и привилегии «особо уязвимых и социально незащищённых групп».

А ещё через два дня, 19 октября 2012 года, известный карельский регионалист В. Штепа в очередной раз выступил с предложением разработать целевую республиканскую программу по возрождению и развитию карельского языка.

В триаде этих плотно следующих друг за другом событий ключевым является законопроект, представленный Европейским Советом по толерантности и примирению.

Как мы уже говорили, этот совет обеспокоен правами и привилегиями особо уязвимых и социально незащищённых групп. Кого же можно отнести, согласно проекту, к этим мало защищённым европейским законом слоям населения? В проекте чётко сказано, что отнесены к этой категории могут быть (цитата): *«Несколько человек, объединённых национальными или культурными корнями, этническим происхождением или наследием, религиозной принадлежностью или лингвистическими связями, сексуальной идентификацией или ориентацией или любыми прочими характеристиками подобного характера».*

Некоторые эксперты сразу же обратили внимание на то, что трактовка авторов проекта «принципов толерантности» является довольно широкой, выходящей за рамки законо-

дательства ряда европейских государств. Например, проект вводит такое право, как «свобода образования на языке группы и в соответствии с её традициями», а также предусматривает защиту мигрантов «от стороннего влияния и ассимиляционных программ». В свою очередь, чрезмерно расширилось и само понятие «социально незащищённая группа».

Таким образом, новый законопроект, якобы нацеленный на борьбу с ксенофобией и решение проблемы межнациональных отношений, вполне способен активизировать регионалистские и сепаратистские процессы в Европе, где уже существуют десятки «заражённых» сепаратизмом и стремлением к автономии регионов. А поскольку и Кэмерон с Салмондом обсуждают перспективу независимости Шотландии, то есть перспективу расчленения Великобритании... И в Бельгии после

победы на местных выборах лидер «Нового фламандского альянса» Барт де Вевер в очередной раз заявил о необходимости превращения страны в конфедерацию и предоставления максимальной независимости Фландрии и Валлонии... Словом, мы видим, что процесс диффузного сепаратизма набирает обороты повсюду. И представляет собой важнейшее слагаемое глобального плана — неочевидного, но очень важного.

На этот план, на порождённые им прецеденты европейского сепаратизма, а также всевозможные побряжки регионалистским тенденциям, которые содержатся в новых инициативах западных экспертов из ЕСТП, с восхищением взирают (беря на вооружение) наши националисты-уменьшители. А также авторы, которые с большим энтузиазмом на протяжении многих лет разрабатывают проекты

по развалу Российской Федерации. Обратимся к «творчеству» одного из них.

Вадим Штепа — выпускник факультета журналистики МГУ, один из авторов журнала «Элементы» (главный редактор А. Дугин), воспевавшего в начале 1990-х евразийство, теорию Консервативной революции и элитный неонацизм с его культом *Waffen-SS*. Довольно скоро Штепа порывает со своим учителем (Дугиным), а также с идеями евразийства, видя в них опасный прецедент «новой империи». И с середины 90-х начинает активно отрабатывать регионалистскую тематику.

При этом яростный критик централизованного государства иногда использует в своих работах и основной тезис евразийцев о Московской Руси как «наследнице Золотой Орды» (для противопоставления Центра и

Севера России, якобы тяготеющего к Западу). И наработки европейских «Новых правых» (при участии которых создавались «Элементы») об «исчерпанности принципа централистского «государства-нации» и перспективности некой «Федеральной империи», «куда на равных основаниях входят этнические группы разных масштабов».

Ставший за эти годы одним из теоретиков развала России, Штепа пытается сделать респектабельным (в глазах российского читателя) современный европейский регионализм. Который, по его мнению, позволяет сохранить «этническое многообразие», «языковые и культурные особенности», а также максимальную открытость «равноправных регионов» друг другу без вмешательства «грабительской и диктаторской «вертикали» власти». Каково же оптимальное, согласно Ште-

пе, «регионалистское развитие» России?

Из статьи «Вопросы национализма и ответы регионализма»:

«В настоящее время в РФ существует более 80 регионов. Собственное регионалистское сознание вызревает в каждом из них, а не на уровне предполагаемых «семи республик». Нынешние федеральные округа всё-таки слишком масштабны для возникновения в них общей республиканской (res publica) идентичности. Возможно, в Сибири это удастся (хотя там также существуют немалые различия между Красноярском, Новосибирском, Омском и Томском), но вознать, например, Северо-Запад в одну республику представляется делом безнадежным. У жителей древнего Пскова, беломорско-карельской Кемии

Регион. как глоб. узнаваемый бренд? 285
и полярно-уральской Воркуты всё-таки
весьма различный исторический и куль-
турный «бэкграунд». Не разумнее ли про-
сто поднять статус всех нынешних об-
ластей и краёв до уровня республик? Так
и возникнет нормальная, симметричная
федерация с равноправными субъектами».

Предоставим самим жителям Сибири и Северо-Запада России адекватно оценить данный пассаж «беспокоящегося» за их будущее теоретика. Лишь подчеркнём, что Штепу совершенно не устраивает проект идеологов движения «Национал-демократический альянс» (НДА) относительно создания «семи русских республик», ибо в нём видны имперские амбиции. «Русскость» для Штепы есть синоним ненавистного «унитарного имперского государства». Если Белковский со-товарищи хотят порвать Россию на несколько

крупных кусков (или для начала сулят своим сторонникам только подобное «оптимистическое» начинание), то Штепа сразу берёт быка за рога и требует окончательного уничтожения России, её разрывания на мелкие и мельчайшие кусочки, из которых никогда и ничего нельзя будет собрать.

В своей статье «Вперёд к конфедерализации!» карельский регионалист идёт ещё дальше и подвергает сомнению уже единство русских: *«Русские Мурманска и Кубани, Калининграда и Владивостока — это всё-таки разные русские, со своими особыми региональными мифами и культурами, спецификой взаимодействия с внешним миром... Никакой «титульностью» русские в РФ не обладают»*. Не является единым, согласно Штепе, и русский язык, «порождающий множество диалектных осо-

бенностей» и различный в разных регионах России.

Не торопитесь с иронией, обвинениями в маргинальности и т.п. А поймите, что против вас работают. Работают по определённым калькам. Хотите увидеть одну из них? Пожалуйста!

Из Замечаний и предложений по генеральному плану «Ост» от 27 апреля 1942 года:
«... Речь идёт не только о разгроме государства с центром в Москве. Дело заключается в том, чтобы разгромить русских как народ, разобщить их... Прежде всего, надо предусмотреть разделение территории, населённой русскими, на различные политические районы с собственными органами управления... Русскому из горьковского генерального комиссариата должно быть привито чувство, что

*Регион. как глоб. узнаваемый бренд? 288
он чем-то отличается от русского из
тульского генерального комиссариата».*

Тогда у врага не получилось осуществить свой замысел. А сейчас?

На нашей территории нет оккупационных войск. Но идёт другая, диффузная сепаратистская война... По инструкциям 70-летней давности. И с применением новых технологических возможностей.

Вадим Штепа на «Марше миллионов» в
Москве. 2012 г.

Штепа прорабатывает свои проекты развала страны во многих статьях, опубликованных на сайте «АПН.ру» и в его интернет-журнале «ИНАЧЕ», а также в книгах «INверсия» (1998), «RUтопия» (2004), «Русское будущее» (2008). В августе 2010 года им был зарегистрирован сайт «Свободная Карелия», а также образовано одноимённое регионалистское движение, выступающее за независимость республики.

Свою идентичность Штепа и его соратники выводят из традиции Новгородской республики. Цитата: *«Наш Север должен осознать себя наследником Новгородской республики... Главным противником «Глобального Севера» выступает «Глобальный Центр» — олигархическое сообщество национально-государственных «элит»... Принцип власти на Севере — не бюрократ-*

*Регион. как глоб. узнаваемый бренд? 290
тический централизм, но сетевое само-
управление».*

Спектр политических связей и контактов Штепы достаточно специфичен и определяется его занятиями регионалистской тематикой.

Он готов сотрудничать и с С. Белковским, и с Г. Каспаровым (в 2006–2008 годах он являлся автором на сайте Г. Каспарова, за что получил ярлык «подлинного идеолога национал-оранжизма»), и с националистами-уменьшителями, сопредседателями НДА А. Широпаевым, И. Лазаренко и М. Пожарским.

В начале 2007 года вместе с этой тройкой Штепа принял участие в учредительном съезде «Новгородского веча».

Штепа прекрасно сотрудничает с М. Гельманом. Он посещает мероприятия, организо-

ванные этим галеристом и обсуждает на них возможности децентрализации России. Везде, где только можно, Штепа проповедует необходимость диффузно-сепаратистской де-струкции.

В середине ноября 2011 года в Твери состоялся межрегиональный форум «Российская провинция XXI века», на котором Штепа в очередной раз предлагал российским регионам заниматься «созданием и продвижением собственных уникальных брендов», привлекательных для туристов и зарубежных инвесторов.

В июле 2012 года Штепа участвовал в нескольких регионалистских круглых столах, организованных «Московской школой политических исследований» (МШПИ) и посвящённых городским брендам. МШПИ — неправительственная некоммерческая орга-

низация, с 1992 года осуществляющая в России программы, направленные на «построение гражданского общества». Спросим себя — что подразумевает МШПИ, говоря о «построении гражданского общества»? Штепизацию нашей Родины?

В декабре 2011 года Штепа поддержал выступления «белоленточников». Подчеркнув при этом, что в некоторых регионах (Калининград, Санкт-Петербург, Сибирь, Карелия) на митинги оппозиции вышли и местные регионалисты.

Чуть позже Штепа снял белую ленту, мотивировав это тем, что «одни имперские совки соперничают с другими имперскими совками». При этом Штепа стал одним из руководителей группы «Карелия за Прохорова». Что именно ему понравилось в Прохорове? То, что олигарх поддержал его лозунг о необ-

ходимости создания в России региональных партий, имеющих право участвовать в местных выборах, как в Европе.

Неудовлетворённость «белоленточными протестами» побудила Штепу объединить неимперскую оппозицию. В марте 2012 года на его сайте inache.net появляется «Манифест Конгресса федералистов», подписанный целой группой российских регионалистских движений. Среди основных требований: возвращение к положению Федеративного договора 1992 года о том, что «республики в составе РФ обладают всей полнотой государственной власти на своей территории», имеют свободное право выхода из Федерации, могут самостоятельно распоряжаться своими ресурсами.

Документ этот крайне серьёзен (ведь именно тезис о праве советских республик на

Регион. как глоб. узнаваемый бренд? 294
всевластие погубил СССР) и требует отдельного рассмотрения.

Эдуард Крюков

Метафизическая война

Слово и содержание

Негодяи ведут против вас метафизическую войну. Но готовы ли вы им противостоять? И как вы сможете это сделать без постижения Любви, без обретения Встречи?

Голодая, ты можешь сколько угодно произносить слова «сахар», «мёд», «хлеб», «масло», «колбаса» и так далее. Но не получая реального питания, ты умрёшь с голоду.

Говоря слова «братство», «подлинность», «служение», «метафизика», «дух» — вы далеко не обязательно соединитесь с содержанием, стоящим за этими словами. А ведь задача состоит именно в подобном соединении, не так ли?

Разница между тем, кто произносит постоянно слово «метафизика», а также «подлинность», «служение», «братство» и т.п., и тем, кто погружён в стихию выражаемого этими словами содержания, БОЛЬШЕ разницы между теми, кто питается хлебом, маслом и сахаром, и теми, кто пытается утолить голод произнесением данных слов. Потому что слово «сахар», произнесённое сколько угодно раз, не даст калорий, но и не отнимет их у произносящего. А слово «метафизика», употребляемое всуе, не только не соединит человека с содержанием, стоящим за словом, но

и воспрепятствует соединению его с этим содержанием.

Зачастую профессионалы, ведущие метафизическую войну, начинают задействовать важные слова всуе для того, чтобы умертвить их. Так постмодернисты, посвятившие себя уничтожению слов, являющихся, по их мнению, средой, отчуждающей человека от дочеловеческой подлинности, повторяют определённым образом определённые слова, сознательно стремясь их убить.

Хотите угробить Слово, то есть оторвать его от содержания? Употребляйте слова всуе и соединяйте слова, имеющие важное содержание, с тем, что отрицает данное содержание! Кстати, постмодернисты, убивая Слово (а они прямо говорят, что убивают не конкретные словечки, а Логос), говорят об убийстве Бога. В самом деле, если «В Начале было

Слово», то, убивая это Слово, убиваешь именно Бога. Постмодернисты хотят убить Слово вообще — им в этом смысле совершенно не важно, идёт ли речь о Слове, соединяющем с содержанием твой народ или враждебный тебе народ. Постмодернистам все народы враждебны. Хотя бы потому, что историчны, да и вообще.

Враги же, ведущие метафизическую войну, делают это применительно к чужим словам, к словам, способным соединить чужой народ и отдельных его представителей с неким Источником. Если чужой народ будет напрочь отделён от этого Источника — он потеряет способность вести метафизическую войну. А значит — и любую другую.

Вывод: если вы хотите победить в метафизической войне, никогда не произносите всеуключевых слов. Ибо произнося их всеу, вы

их убиваете. Гумилёв сказал по этому поводу: *«И, как пчёлы в улье опустелом, / Дурно пахнут мёртвые слова».*

Приведу самый простой пример. Есть не ахти какое слово «элита». Оно может обладать позитивным смыслом, если речь идёт об элите, служащей своему народу. Или негативным смыслом, если речь идёт об элите, отчуждённой от народа. Но начните часто проносить: «элитная обувь», «элитное вино», «элитная сантехника», — и слово элита вообще исчезнет. И зачем вам нужно это слово применительно к подобным сущностям? Ну, скажите «дорогая обувь», «дорогое вино», «дорогая сантехника». Найдите другие слова... Так нет — «элита».

Ну хорошо, «элита». А слово «рай»? «Джинсовый рай», «колбасный рай»... Разве это не убийство высокого слова через его

сопряжение с тем, с чем оно никак не может быть связано по существу? Подобное сопряжение по отношению к данному слову — это полномасштабная метафизическая инвектива. Полномасштабная — и многомерная. Мол, хотели рая земного? Так ведь земного же! Ну, и получайте — «колбасный», «джинсовый» и так далее.

Враг уничтожает слова, обеспечивающие связь с Источником.

Но помимо врагов есть и другие категории людей, вольно или невольно осуществляющие то же самое.

Первая категория — интеллектуалы на службе у этой самой «элиты». Интеллектуалы должны развлекать элиту. Поскольку поступив на службу к элите, они перестают быть интеллектуалами и теряют способность даже развлекать, то часть денег, полученных от хозяина, они отдают рыскающим консультантам. Ещё не потерявшим способность проносить слова.

Соответственно, вторая категория — консультанты, которые делают «это» за сто долларов в час. В отличие от них первая категория «делает это» за гораздо большие суммы.

Представители первой категории слуша-

ют представителей второй категории, записывают за ними слова в тетрабочку или лэптоп. Потом разжижают до необходимой концентрации — и начинают развлекать какого-нибудь полпреда или олигарха. Отнюдь не за сто долларов в час.

Впрочем, в данном случае совсем не важно, за сколько долларов. Важно то, что поскольку «это» делается на потребу заказчика, а заказчику нужно развлечение, то содержание, стоящее за словами, не просто остаётся невостребованным — оно при подобном препарировании уничтожается. И не врагом, а индустрией подобного «элитного» консалтинга.

Третья категория — журналисты. Они понимают, что в тексте должен быть какой-то словесный изюм. Сами журналисты страшно далеки от всего, что с подобным изюмом свя-

зано. Но украсть они могут. Украв же изюм — поместить его в какую-нибудь словесную булку. И — продать эту булку на массмедийном рынке.

Четвёртая категория — рекламщики.

Пятая — пиарщики, то есть политрекламщики.

Шестая — студенты. Современные экзамены — штука специфическая и «оченно» predisposing к отчуждению слов от содержания вообще и глубокого содержания в особенности.

А теперь вообразите себе, что является результатом совместных несогласованных действий всех этих «отрывателей слова от его содержания». Что это производит не абы в каком обществе, а в нашем обществе, дезориентированном донельзя.

Это производит некую воронку, в кото-

рую начинает засасывать людей, не имеющих никаких выгод от логомании, не занимающихся уничтожением слов-логосов ради победы над врагом. Воронка логомании засасывает людей, вполне нацеленных изначально на соединение с тем содержанием, которое лежит за используемыми словами. Эти люди используют слова магически. Они считают, что соединятся с содержанием через постоянное использование маркирующих его слов. Увы, они отдаляются от содержания, а не приближаются к нему.

Они, образно говоря, голодны. И это замечательно! Человек, голодающий по содержанию... Только он может, объединившись с другими такими же людьми, спасти народ и страну. Но этот голод нельзя утолить произнесением слов. Его таким произнесением, повторяю, можно утолить ещё в гораздо мень-

шей степени, нежели обычный голод — произнесением названий продуктов питания.

Вообразите себе слово — и ниточку, тянущуюся от него к содержанию. Враг хочет перерезать эту ниточку. Вам же нужно:

1) найти её, ибо прикреплена она к слову очень непростым образом;

2) найдя, бережно-бережно за неё взяться;

3) и, не порвав ниточку (а ниточка очень нежная), начать идти, держась за неё, к содержанию. Так древнегреческий герой Тесей шёл за нитью Ариадны по лабиринту, в котором обитало страшное чудовище Минотавр;

4) дойдя до двери, за которой искомое содержание, вам надо вытянуть золотой ключик (опять же потянув за ту же самую ниточку), открыть дверь и войти в комнату, в которой находится содержание.

5) войдя в эту комнату, вам надо с содер-

жанием соединиться.

Никакой патетики с претензией на мистику в этих моих 1), 2), 3), 4), 5) нет и в помине. Они всего лишь описывают, в чём отличие настоящего сахара от сладости во рту при произнесении слова «сахар», живого содержания от содержания суррогатного.

Приведу кусок из диалога человека, пытающегося разобраться в том, что такое метафизика, с одним из сотрудников «Экспериментального творческого центра».

Интересующийся: А каково определение метафизики? Может быть, у вас есть собственное определение? Или оно есть у Кургиняна? В таком случае приведите его.

Сотрудник: Определение давалось не раз. Метафизика — предельные основания.

Интересующийся: Не... Предельные основания — Любовь, Истина и так далее — то, что человеком движет. А метафизика есть гуманитарный инструмент для изучения этих предельных оснований. Кургинян же не говорил вам, что метафизика есть Любовь. Странно было бы, если бы говорил. А вот о том, что метафизика — инструмент, о Гуссерле как мастере использования данного инструмента и т.д. и т.п. — говорил многократно. Кургинян — неглупый мужик, маловероятно, чтоб он выпал из контекста настолько, что употребляет слово «метафизика» (сверхсущее) в некоем ином понимании, нежели все до единого его современники и предшественники, употреблявшие данное слово. Тут стоит указать для несведущих, что метафизи-

ка — сродно онтологии. Это постановка вопросов о том, что находится вне сущего, не может быть познано инструментарием позитивистской науки.

Здесь я прерываю изложение беседы с тем, чтобы вернуться к следующему фрагменту этой беседы в новой статье. И — обращаю внимание на определённые обстоятельства.

Во-первых, тот, кого я назвал Интересующимся, понимает разницу между реальным сахаром и словом «сахар». И не хочет просто произносить слово «метафизика». Это — хорошо.

Во-вторых, он глубоко заблуждается, утверждая, что метафизика сродни онтологии. То есть, в подобного рода тонких вопросах все слова — это дальние или близкие родственники. Но как только человек, ищущий реального содержания, приравнива-

ет метафизику к онтологии — пиши пропало! Потому что онтология — это наука о бытии. То есть о сущем. А метафизика начинается там, где кроме сущего есть не-сущее.

В-третьих, говоря о сверхсущем, вместо того чтобы говорить о сущем и не-сущем, Интересующийся ещё дальше уходит от существа дела.

Уйдя же, он начинает говорить о том, что находящееся вне сущего (а вне него, по определению, находится только не-сущее) не может быть познано инструментарием позитивистской науки.

Так-то оно так! Но инструментарием позитивистской науки почти ничто не может быть познано. По крайней мере, очень многое в сущем не может быть познано позитивистским инструментарием. Если бы всё в сущем могло быть познано с помощью этого инструмента-

рия, то другого инструментария бы не было. И не было бы у позитивистской науки конкурентов в рамках самой науки. А их, между прочим, до... и больше.

А ведь к науке всё не сводится. Постигание сути может быть осуществлено:

- а) с помощью позитивистской науки;
- б) с помощью элементарно непозитивистской науки (тут можно говорить обо всей школе элементарного непозитивистского научного понимания: Шеллинг, Дильтей «и далее со всеми остановками»);
- в) с помощью ненауки (искусство ведь не является наукой, правда? и многое другое, будучи средством постижения, элементарнейшим образом наукой не является, потому что и позитивистская, и иная, элементарно непозитивистская наука оперируют только понятиями — а есть ещё образы, символы);

г) с помощью новой науки, которая осуществит синтез понятийных и иных средств постижения.

Почему это важно с точки зрения политики? Потому что метафизика говорит об особых методах постижения сути, а не является «гуманитарным инструментарием», позволяющим эту самую суть именно ИЗУЧАТЬ. Изучать Любовь невозможно. А постигать — можно, и порою особо необходимо.

Когда же это особо необходимо? Тогда, когда Любовь — утеряна. Пока она не утеряна — можно просто любить. А вот когда она утеряна — надо постигать, дабы обрести Любовь вновь.

И здесь возникает простейшие политические вопросы:

— любите ли вы Россию?

— в состоянии ли вы встретиться с Россией

как культурно-исторической личностью, ибо без такой Встречи разговор о Любви бессмыслен?

— чем вы ответите на вызовы не-любви? А ведь это реальные вызовы! Они уже сейчас носят далеко не слабый характер. А уж через пару лет... И тут мало говорить, что только негодяи могут называть Родину «пу-тенярней», «рашкой», «эрэфией» и так далее. Конечно, это могут делать только негодяи. И что?

Негодяи ведут против вас метафизическую войну. Но готовы ли вы им противостоять? И как вы сможете это сделать без постижения Любви, без обретения Встречи — и всего остального?

Этим-то и займёмся.

Сергей Кургинян